КП
120
Г-17

КП
120
Г-17

С. ГАЛЬПЕРИН

Западно-Европейские профессиональные союзы в годы войны

265

3-е Издание

Издательство МГСПС
„ТРУД и КНИГА"
МОСКВА—1925

ИЗДАТЕЛЬСТВО М. Г. С. П. С.
„ТРУД и КНИГА"
МОСКВА, Охотный ряд, дом № 9.

Культработа и рабочее самообразование

Диамент, Х. — Рабочий профессиональный клуб. 3-е изд., ц. 55 коп.
Диамент, Х. — Уголок Ленина в рабочем клубе, 3 изд. испр., ц. 50 к.
Лейзеров. М. — Вечера профагитации в рабочем клубе, вып. I, 2 изд., ц. 25 к; вып. II, ц. 50 коп.
Лейзеров, М. — Массовая профпропаганда в клубе, 2 изд., ц. 45 коп.
Лейзеров, М. — Красные уголки.
Лейзеров — Профпропаганда через библиотеку (печат.)
Невский, В. А. — Культурная работа в рабочей библиотеке, ц. 80 к.
Петров, А. — Памятка рабочего самообразования, — изд. 2 (печат.)
Ребельский, И. В. — Вечера вопросов и ответов, как их организовывать и проводить, ц. 25 коп.
Руссо, В. — Шашки (руководство для начинающих), ц. 55 коп.
Скалин, П. — Лыжный спорт, ц. 60 коп.
Чечановский, М. — На пути к профграмоте, 2 изд. (печат.)
Эльский, Д. — Стенные газеты и их организация, 3 изд., ц. 45 коп.
Эльский и Рабинович — Отдых в клубе, ц. 35 коп.

Для отдельных компаний

Вечер памяти Ленина в клубе. — Жизнь, смерть, воспоминания, оратория, ноты, ц. 2 руб.
Октябрь в клубе. — Сборник стихотворений, рассказов, инсценировок, сост. М. Розен, ц. 1 руб.
День работницы в клубе. — Сборник материалов, ц. 1 р. 50 коп.
Праздник первого мая. — Сборник материалов, ц. 35 коп.

Летняя работа и физкультура

Геркан, Л. и Громов, Б. — Легкая атлетика (печат.)
Гориневская, В. В. — Физкультура работницы (печат.)
Гориневский, Вал. — Ремонт и закаливание организма (печат.)
Жемчужников, А. — Физкультура подростка (печат.)
Жемчужников, А. и Шестоперов, Я. — Водный спорт (печат.)
Петров, А. — Массовые экскурсии. 2 изд. (печат.)
По фабрикам и заводам. Руководство по орган. массовых экскурсий, 2 доп. изд., ц. 85 коп.
Родин, А. — Воробьевы горы и их окрестности (пособие для экскурсантов), ц. 30 коп.

КП
120
Г-17

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

С. ГАЛЬПЕРИН

ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СОЮЗЫ В ГОДЫ ВОЙНЫ

3-е ИЗДАНИЕ

Издательство МГСПС
„Труд и Книга"
Москва 1925 г.

Красно-Пресненская
типография и словолитня
им. Богуславского
(3-я „Мосполиграф“).
Москва, Малая Грузинская ул.,
Охотничий пер., д. 5/7.
Мосгубл. 14970. Тир. 10.000.

ГОСУД. РОСС. ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
БИБЛИОТЕКА
29555
11-VI-1925.

ОТ АВТОРА.

В апреле 1919 года, в предисловии к книге тов. Гильбо «Социалистическое и профессиональное движение во Франции во время войны», товарищ Ленин писал: «История социалистического и профессионального движения во время войны должна быть написана для всех стран. Эта история открывает нам глубокие корни III Интернационала, его своеобразное зарождение в каждой стране в соответствии с историческими особенностями отдельных стран... С другой стороны, эта история раскрывает перед нами начальный период краха буржуазной демократии и буржуазного парламентаризма и начала того движения, которое от демократии буржуазной ведет к демократии пролетарской или социалистической». В заключение тов. Ленин выражает надежду, что книга тов. Гильбо вызовет «ряд подобных же брошюр, посвященных истории социализма и рабочего движения во время войны в других странах».

Надежда тов. Ленина не осуществилась. Революционные деятели были слишком заняты борьбой

настоящего момента, чтобы они могли заниматься историческими исследованиями, а социал-реформисты социалистического и профессионального движения были менее всего склонны описывать эпоху своего политического и морального банкротства. В результате история рабочего движения и социализма в годы мировой бойни осталась ненаписанной, и даже для отдельных стран мы имеем лишь случайные обрывки.

В настоящее время, когда ровно десять лет отделяют нас от того момента, когда впервые воля нескольких конкурирующих империалистических групп послала на взаимное самоистребление миллионы рабочих и крестьян, следует хоть до некоторой степени пополнить этот пробел. Не претендуя на сколько-нибудь исчерпывающее изложение этой эпохи, автор ставит своей задачей дать ее частичную историю, историю той эволюции, которую пережило за четыре года кровавой бойни профессиональное движение Западной Европы.

С. Гальперин.

Москва, 25 июня 1924 г.

ГЛАВА I.

Профсоюзы накануне войны.

В 1911 году в речи, произнесенной в Берлине, во время конфликта между Германией и Францией из-за Марокко, представитель общепрофессионального центра Франции, Всеобщей Конфедерации Труда, Леон Жуо, говорил: «На зловещие завывания гиен капитала, на яростной рев тигров патриотизма, мы, рабочие Франции и Германии, ответим возгласом: долой войну!..»

А три года спустя, тот же Жуо получил почетное звание «комиссара нации», комиссара правительства национальной обороны при рабочих организациях, с специальным назначением агитировать в народных массах за войну с «бошами» (презрительная кличка для немцев) до победного конца. А в Германии такую же, если не еще более омерзительную, роль играл вождь германских союзов Легин, тот самый Легин, который в эту эпоху считался секретарем международного об'единения профсоюзов.

Как могло это случиться? Как могли испытанные вожди рабочего класса, достаточно знакомые с основами государственного строя буржуазных го-

сударств, в течение долгих лет ведшие упорную борьбу с империалистическими стремлениями правящих классов, сразу, чуть ли не в двадцать четыре часа, превратиться в верных слуг империалистической политики и глашатаев кровавой резни пролетариев во славу «спасения отечества?»

Были в этом отношении некоторые привходящие обстоятельства, на которых мы остановимся в следующей главе, но не подлежит сомнению, что подобный поворот на 180 градусов мог иметь место лишь при том условии, что не все было благополучно в рабочем движении и до войны, что интернационализм социалистических и профессиональных организаций носил слишком поверхностный характер, не войдя, так сказать, в плоть и кровь массового рабочего движения.

Вглядимся поглубже в профессиональное движение довоенного периода.

В Западной Европе мы имели тогда три основных типа профессиональных организаций: английские трэд-юнионы, социал-демократические, так называемые «свободные» германские профсоюзы, и революционно-синдикалистские союзы Франции. Трэд-юнионизм, как направление, господствовал во всех англо-саксонских странах, т.-е. в Северной Америке, Канаде, Новой Зеландии и Австралии; социал-демократизм был характерен почти для всех стран Центральной Европы, отчасти, для Италии, синдикализм был распространен во всех романских странах: в Испании, Португалии, Южной Америке и, отчасти, в Италии.

Какие особенности отличали эти три типа? Начнем с старшего по возрасту, с английского трэд-юнионизма. Его наиболее характерной особенностью является то обстоятельство, что он начал

принимать свои теперешние организационные формы еще с начала XIX века, при отсутствии какой-либо политической партии пролетариата. Трэд-юнионы были по существу цеховой организацией, охватывающей аристократию рабочего класса. Печатники, механики, слесаря, токаря об'единялись в союзы, имевшие целью защиту привилегированного положения в промышленности, а предприниматели довольно охотно шли навстречу этим аристократическим слоям рабочего класса, при условии неограниченной эксплоатации рабочих низов. К тому же экономическое положение Англии, промышленный расцвет которой питался самым беззастенчивым обиранием колоний и использованием дешевого, почти дарового труда туземцев, позволяло капиталистам уделять обученным рабочим-специалистам крохи от той обильной наживы, которую они получали от своего великодержавного господства во всех частях света. Английский капитализм материально и морально заинтересовывал верхи пролетариата в том колониальном грабеже, который составлял основу всего его богатства.

Прибавьте к этому полное пленение пролетарской мысли буржуазной идеологией. Английские рабочие не только не помышляли о социальном перевороте, но даже и для защиты своих будничных интересов не пытались создать свою классовую партию. Для проведения тех или иных социальных реформ или законов по охране труда они прибегали к соглашениям с буржуазными партиями, главным образом, с либералами, которые охотно покупали этой ценой поддержку рабочих на выборах в палату общин.

Дело несколько изменилось с конца XIX и начала XX века. Англия начала терять свое место первой

промышленной державы. Обзавелась колониями Франция, гигантскими шагами развила свое производство Германия. Сама техника фабричного производства начала стирать прежнее глубокое различие между квалифицированными и неквалифицированными рабочими. Классовая борьба даже по отношению к квалифицированным рабочим начала принимать более резкие формы. Появился так называемый новый трэд-юнионизм, ставящий себе целью вовлечение в союзные рамки и широких масс необученных рабочих. Появилось стремление к созданию самостоятельной рабочей партии, которая бы непосредственно защищала интересы охраны труда и прав рабочих союзов в парламенте. Словом, трэд-юнионизм начал эволюционировать в сторону социал-демократического типа профессионального движения, о котором мы сейчас будем говорить. Но процесс этот накануне войны еще не был завершен, и английские, трэд-юнионы еще в значительной степени сохраняли характер цеховых организаций рабочей аристократии, участвующей вместе с капиталистами в выгодах от эксплоатации колоний. Практика пошла дальше, но идеология еще питалась пережитками старого.

Несколько иначе шло развитие профессионального движения в Германии. Расцвет его относится ко второй половине XIX века, собственно, к последним тридцати годам этого столетия, когда после победы над Францией Бисмарк основал Германскую империю и, желая скрепить национальное единство германского народа, установил в Германии всеобщее избирательное право. Германские профсоюзы выросли в эту цветущую эпоху германского капитализма, вместе с германской социал-демократической партией, которая прекрасно умела

использовать всеобщее избирательное право и одерживала блестящие успехи на выборах в германский рейхстаг даже в тяжелые годы закона против социалистов. Это было время, когда даже друг и соратник Маркса, Фридрих Энгельс, писал, что «на почве легальной борьбы германская социал-демократия может нагулять себе румяные щеки». Фридрих Энгельс, конечно, не заблуждался насчет временного характера этого «румянца», но более молодое поколение, уже не знавшее эпохи гонений на социалистов, вырастало в убеждении, что при помощи избирательных бюллетеней социал-демократия завоюет когда-нибудь большинство в рейхстаге и проведет социализацию средств производства.

Но и эта идея мирного осуществления социализма не имела руководящего значения для социал-демократической партии и шедших вместе с нею германских профсоюзов. Не программа-максимум, а программа-минимум, то-есть область социальных реформ, проведение которых мыслимо в рамках буржуазного движения, составляла душу германского рабочего движения. Промышленный расцвет Германии создавал экономическую базу для известного благосостояния рабочего класса, который вдобавок начинал смотреть на военную мощь Германии, как на известного рода гарантию промышленного развития Германии, с которым было связано и поднятие материального уровня жизни пролетариата. Официально германская социал-демократия принимала резолюции интернационалистского характера, но на практике привязанность к германскому «фатерланду» (отечеству) была довольно сильна даже у социал-демократически настроенных рабочих.

В еще более сильной степени это относится к огромному слою профсоюзных чиновников, сложившемуся в результате беспрерывного роста германских союзов. В 1910 году число организованных в профсоюзах рабочих достигло 2.017.000 человек, и эта огромная махина создала и значительный бюрократический аппарат. Материальные условия жизни этого слоя союзных чиновников уже не зависели от общих условий жизни пролетариата. Из борцов за пролетарское дело они превратились в привилегированных служащих, вполне обеспеченных даже в рамках буржуазного строя. В партии, которая сама уже утратила дух революционного марксизма, они составляли правое крыло, которое даже внешне все больше отходило от формул революционного интернационализма, формул, которые партия по традиции еще принимала на международных конгрессах. «Фатерланд», в котором они так прекрасно устроились, был для них дороже фраз о низвержении капитализма и братстве народов.

Не от секретарей английских трэд-юнионов и не от германских профсоюзных «функционеров» (должностных лиц союзов) приходилось ждать активного протеста против вспыхнувшей в 1914 г. европейской, — а впоследствии и мировой, — войны.

Больше надежд подавал французский синдикализм. Он усвоил себе, хотя в несовершенной форме, основные начала учения Маркса: классовая борьба, как движущая сила истории; государство, как организация классового господства, отпадающая с момента уничтожения классов; демократия, как специфически буржуазная форма государственного строя; необходимость самостоятельной классовой организации пролетариата для уничтожения

капиталистического общества, построенного на системе наемного труда и частной собственности на средства производства.. Эти положения Маркса синдикализм принимал в самой утрированной форме. Раз демократия есть буржуазная форма государства, то пролетариат должен попросту отвернуться от какой бы то ни было политической борьбы за изменение этой формы или использование ее в интересах частичных улучшений социального законодательства. Раз государство умрет со времени уничтожения классов, то победившему пролетариату не стоит и думать о создании своего классового пролетарского государства, — вот образцы синдикалистской идеологии. Представление о том, что победа пролетариата, есть длительный процесс борьбы с поверженным, но еще не добитым противником, процесс, предполагающий временное установление пролетарской диктатуры, было так же далеко от них, как и мысль о том, что буржуазный характер демократического государства еще не означает ненужности использования его в интересах классовой борьбы пролетариата. Парламентские и муниципальные выборы, законодательные реформы, политические партии, все это представлялось французским синдикалистам дьявольским ухищрением правящего класса, чтобы завести пролетариат в буржуазное болото.

Французские синдикалисты учитывали гнилость буржуазной парламентской республики. Они с отвращением наблюдали процесс вырождения социалистических партий из активной революционной силы в простой придаток к капиталистической системе. В интересах ограждения пролетариата от этого вырождения они проповедовали полную отчужденность профессиональных союзов от каких

бы то ни было политических партий и ставили во главу угла «прямое действие» пролетариата для отстаивания своих будничных требований и для борьбы за низвержение капиталистического строя. Своим главным орудием борьбы они считали всеобщую стачку, которой придавали значение почти чудотворного средства, могущего сразу свалить махину буржуазного государства.

Но, что больше всего нас интересует в данном случае, — вдохновляемая синдикалистами Всеобщая Конфедерация Труда вела самую резкую интернационалистскую и антимилитаристическую пропаганду. «Мы кладем в основу нашей деятельности принципы I Интернационала». «Рабочие не имеют отечества. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», так формулировал Жуо-дух французского синдикализма на одной своей лекции в Брюсселе в 1911 г. И, конкретизируя эту мысль, он заявил: «Войне мы противопоставим всеобщую революционную стачку. Наше поведение во время столкновения с Англией из-за Фашоды и во время Агадирского инцидента является гарантией искренности и глубины чувства международной пролетарской солидарности в организованном рабочем классе Франции».

Интересно также указать, что Всеобщая Конфедерация Труда была в то время почти единственной организацией, которая пыталась вести пропаганду в армии. Она стремилась перекинуть мост между пролетариями у станка и пролетариями в солдатском мундире. С этой целью при всех союзных организациях Франции были созданы кассы под названием «солдатская копейка». Эти кассы давали возможность оказывать пособие организованным молодым рабочим, призванным к отбыва-

нию военной службы. Они поддерживали у солдат классовое сознание и создавали у них настроение, благоприятное по отношению к требованиям рабочего класса.

Можно было ожидать при таких условиях, что Всеобщая Конфедерация Труда окажется ярой про-

Этого, как известно, не случилось. Всеобщая Конмере, пассивное сопротивление.

и окажет ей, если не активное, то, по крайней тивницей затеянной империалистами мировой войны федерация Труда Франции пошла по общему пути профессиональных и социалистических организаций других стран и вошла в созданное во Франции в начале войны «священное единение классов». Как это произошло, мы расскажем в следующей главе, сейчас же постараемся наметить те общие причины, при которых мог иметь место этот поворот в настроении французских синдикалистов.

Едва ли не первое место среди этих причин занимает малочисленность Конфедерации. В 1913 г. она объединяла не более 400.000 человек (да и то по самым оптимистическим расчетам), что составляет каких-нибудь 5% по отношению ко всему трудящемуся населению Франции. Конфедерация далеко не объединяла широких масс, а являлась лишь их передовым отрядом. Массы, откликавшиеся (да и то не всегда) на ее призыв во время экономических конфликтов, были очень далеки от глубокого понимания ее революционной интернационалистской идеологии. Этот недостаток спаянности с широкими массами рабочего класса не мог не отразиться на боевой активности рядовых деятелей Конфедерации в первый момент войны, когда при помощи отравленной информации буржуазной прессы все население было — или, по

крайней мере, казалось — охвачено патриотическим порывом защищать Францию «от внезапно напавшего на нее неприятеля». Плыть против течения для малочисленной организации было не легко.

Другая причина коренилась в намечавшемся уже до войны понижении революционного энтузиазма Конфедерации. Сейчас очень трудно проследить этот процесс. Обособленность синдикализма от реформистских социалистических партий препятствовала яркому проявлению умеренного начала внутри Конференции. Но известные симптомы приспособления синдикалистского профессионального движения к условиям капиталистического строя в 1910—1914 г.г. уже давали себя чувствовать. Надо, прежде всего, помнить, что хотя Всеобщая Конфедерация Труда, как таковая, неизменно принимала большинством голосов самые революционные резолюции интернационалистского характера, но в ее рядах наиболее крупные союзы горнорабочих, железнодорожников и печатников придерживались реформистской ориентации и фактически были довольно близки к английскому трэд-юнионистскому типу союзов. Надо вообще иметь в виду, что тенденция синдикализма противопоставлять пролетариат капиталистам преимущественно на экономической почве, обходя вопросы политической борьбы, давала возможность легкого перехода от революционного анархо-коммунизма к самому умеренному трэд-юнионизму. В рамки формулы «вне политических партий» умещалась и критика оппортунистического социализма слева, и боязнь всякой политики более отсталых слоев рабочего класса. История французского синдикализма после войны дала достаточно примеров перехода от самого страшного на вид «террористического»

анархизма к самому умеренному реформизму и даже проповеди простого культурничества. А блок между анархистами и реформистами против революционного коммунизма является самым обычным фактом настоящей действительности.

Мы приходим, таким образом, к выводу, что вдохновляемая принципами революционного синдикализма Всеобщая Конфедерация Труда не была достаточно авторитетна не только в глазах широких рабочих масс, но и для значительной части ее собственных членов. Только на почве этой внутренней слабости Конфедерации и было возможно то грехопадение вождей, которым сопровождалось объявление мировой войны.

Такова была политическая физиономия профессиональных союзов наиболее крупных промышленных стран Европы накануне войны. Почти не подымавшийся над уровнем буржуазной идеологии трэд-юнионизм в Англии, обкарнанный марксизм, лишенный всякого революционного содержания, в Германии, пышно-революционный, но внутренно слабый, синдикализм во Франции, — все это не составляло той базы, на которой пролетариат Западной Европы мог бы оказать сопротивление волне военного безумия, хлынувшей на Европу.

Посмотрим теперь, каково было отношение профессиональных организаций к Интернационалу, самое существование которого должно было бы пропагандировать среди рабочих всех стран идею братства народов и составлять оплот против господства патриотических идей.

Первая попытка создать Интернационал профессиональных союзов имела место еще в эпоху основанного Марксом Международного Товарищества Рабочих (I Интернационал), на конгрессе послед-

него в 1866 г. Первый Интернационал, который вообще объединял безразлично как политические, так и профессиональные организации рабочего класса, вынес на этом конгрессе резолюцию, в которой указывал на необходимость создания профессиональных союзов для борьбы с капиталом в каждой стране, при чем эти национальные профессиональные организации должны быть объединены вокруг единого международного центра.

Но развал I Интернационала в эпоху Парижской Коммуны и последовавший затем некоторый упадок революционного рабочего движения затормозил осуществление этой идеи. Только на Брюссельском конгрессе II Интернационала в 1891 г. был снова поставлен вопрос о практическом проведении в жизнь старого решения об организации международного объединения профессиональных союзов. Но Брюссельский конгресс не дал конкретных указаний в этом отношении, ограничившись пожеланием, чтобы в каждой стране был создан Национальный Рабочий Секретариат профессиональных союзов, и чтобы эти Национальные Секретариаты осведомляли друг-друга о происходящих у них классовых конфликтов для того, чтобы трудящиеся могли активно проявить свою солидарность по отношению к рабочим других стран.

Более реально подошел к этому вопросу Цюрихский конгресс 1893 г., который наметил уже организационные рамки международного объединения профессиональных союзов. Резолюция этого конгресса рекомендует: «Соединять везде, где это возможно, профессиональные союзы отдельных производств, преследующие одинаковые цели, в Национальные Федерации; образовать путем соглашения Национальных Федераций Международ-

ную Федерацию организованных профессий, чтобы соединить в один союз организации различных стран; организовать везде, где возможно, местные национальные и международные профессиональные общества всех производств для объединения и соглашения трудящихся всех корпораций в борьбе за заработную плату; обмениваться сведениями между странами через Международный Секретариат Труда; обязанность этого секретариата заключается в передаче национальным федерациям сведений, касающихся различных корпораций; устраивать для каждой профессии международные конгрессы для обсуждения вопросов, касающихся различных федераций.

Предначертания Цюрихского конгресса были проведены в жизнь. С 1900 года начали созываться международные конференции секретарей профессиональных организаций отдельных стран. На одной из этих конференций в Дублине в 1901 г. было принято решение приступить, наконец, к образованию международного секретариата профессиональных союзов, и соответствующее приглашение было разослано обще-профессиональным центрам всех стран. Обращение это встретило повсюду самый живой отклик, и в Международном Секретариате Труда в скором времени было представлено 19 стран.

На-ряду с этим создавались и производственные Интернационалы. По сведениям, которые дает тов. Юзефович в своей книге «Интернационал Профессиональных Союзов», в 1912 г. существовали следующие производственные интернационалы: металлистов — 1.106.003 члена, деревообделочников — 392.355, транспортников — 881.950, фабричных рабочих (преимущественно химиков) — 298.001,

рабочих пивоваренных заводов — 130.892, печатников—137.451, сапожников и кожевников—105.600, булочников — 68.681, переплетчиков — 49.906, литографов — 35.923, каменщиков — 75.000, маляров — 72.074, плотников — 83.863, шапочников — 32.912, стекольщиков — 29.236, шорников — 20.119, парикмахеров — 4.800. Кроме того, имелась Международная Федерация Горнорабочих, наиболее старое международное производственное объединение, но точное число членов ее к моменту войны нам не удалось установить.

Как видно уже из резолюции Цюрихского конгресса, задачи Международного Секретариата Труда были довольно ограниченные. Это был по преимуществу международный информационный орган, деятельность которого сводилась к ежегодному выпуску отчетов о международном профессиональном движении, отчетов, представляющих безусловно крупный интерес для историков и экономистов, но ни в коей мере не могущих заменить политических директив международного центра.

Надо сказать, что не все профессиональные организации удовлетворялись существованием Интернационала лишь в качестве информационного центра. На международной конференции профессиональных союзов в 1911 г. представители всеобщей Конфедерации Труда протестовали против превращения Интернационала в простой почтовый ящик, настаивали на том, что национальное рабочее движение должно быть подчинено международным задачам рабочего класса и предлагали создать настоящий боевой международный центр профессионального движения. Идея эта осуществлена в 1921 г. основанием Красного Интернационала профсоюзов, но до войны предложение

французских синдикалистов не встречало почти никакого отклика в профессиональных союзах других стран. В частности, представители германских союзов указывали на то, что создание руководящего заграничного центра для германских союзов несовместимо с законами германской империи, и настаивали поэтому на ограничении функций Международного Секретариата простой информацией и статистикой. Предложение немцев было принято, и секретарем Международного Секретариата был выбран представитель германского профессионального движения Карл Легин, стоявший на самом правом крыле немецкой социал-демократии.

Дело, конечно, не только в своде законов германской империи, а в том, что организованные рабочие Европы не дошли еще до полного понимания международной связанности рабочего класса и не были склонны подчинять рабочее движение своих стран руководству международного центра, который представлялся им не органом самообороны рабочего класса, а каким-то орудием давления извне. Само собой разумеется, что одно это недоверие к руководящей роли Интернационала свидетельствовало уже о преобладании национального начала в довоенном профессиональном движении и давало очень мало надежд на активное выявление международной солидарности пролетариев всех стран в случае того или иного столкновения. Ссылка же на существующие законы говорила о революционном бессилии германского профдвижения, представители которого не мыслили себе возможности выйти за пределы легальной борьбы.

Мы видим, таким образом, что и идея Интернационала, в том виде, в каком эта идея была

осуществлена в период времени, предшествовавший войне, не могла служить опорным пунктом не только для борьбы против бессмысленного убийства пролетариев одной страны пролетариями другой, но даже для проведения более скромных манифестаций международной солидарности рабочего класса. Неспособность выйти за национальные рамки, неумение и нежелание стать выше борьбы за будничные интересы рабочего класса, неумение отрешиться от буржуазной психологии — вот общая характеристика деятелей профессионального движения в начале второго десятилетия XX века.

ГЛАВА II.

Об'явление войны. Крах Интернационала. Развал профдвижения.

Всем памятно, с какой внезапностью разразилось об'явление войны в 1914 году. С момента ультиматума Австрии Сербии, прозвучавшего, как первый сигнал, до момента открытия военных действий между самыми сильными державами Европы, прошло не более недели. Война носилась в воздухе; беспрерывные вооружения и империалистические интриги двух соперничающих великих коалиций, до такой степени накалили политическую атмосферу, что достаточно было малейшей искры, чтобы вспыхнул мировой пожар. Эту искру, выбрав надлежащий момент, бросил германо-австрийский генеральный штаб, и сделал это так неожиданно, что даже правительства Антанты, в свою очередь готовившиеся к войне, были до некоторой степени застигнуты врасплох. Тем более были застигнуты врасплох социалистические партии и профессиональные организации, бывшие гораздо менее в курсе военных и дипломатических приготовлений, чем Пуанкаре, Извольский или Ллойд-Джордж.

Неделя, предшествовавшая войне, была отмечена полной растерянностью в рабочем лагере. Выносились резолюции, выпускались воззвания с призывами сделать все возможное для предотвращения войны, но ни в резолюциях, ни в воззваниях не давалось никакого действенного лозунга, могущего сконцентрировать волю народных масс на каком-либо определенном активном выступлении. В противоположность этому, буржуазные правительства действовали с величайшей решительностью: помимо военной мобилизации, с бешеной энергией производилась мобилизация общественного мнения. Буржуазная пресса и телеграфные агентства играли в этом отношении первую скрипку, церковь, школа, общественные организации — вторую. Австрийская пресса вопила о великосербском движении, ставящем себе целью расчленение Австрии, германские газеты отравляли народное сознание кошмарными рассказами о нашествии казаков, французская печать звала к защите демократии от германского империализма, в Англии усиленно муссировалась тема о нарушении нейтралитета Бельгии, а русская печать звала к защите Сербии, и славянства вообще, от засилья Германии, стремящейся к установлению своей мировой гегемонии. Вся эта отравленная информация оказывала свое действие на состояние умов самых широких масс, тем более, что в своей критической части, — поскольку речь шла об империализме противной стороны, — она сплошь и рядом была правильна. О прегрешениях же собственного правительства умалчивалось. В результате для огромной части населения воюющих стран дело представлялось в таком виде, что поделать ничего уже нельзя, что страна подверглась неожиданному нашествию

врага и остается только защищаться. Для усиления этого настроения сотнями фабриковались телеграммы о налете вражеских аэропланов с бросанием бомб, об отравленных колодцах, о расстрелах мирных жителей пограничных городов, а для того, чтобы пресечь всякую возможность критики этих слухов, раздувались легенды о тысячах иностранных шпионов, к числу которых относили всех лиц, сохранявших трезвость ума в эти дни повального военного сумашествия.

В этой атмосфере разгара самых диких национальных страстей трудно было ждать от социалистических партий Европы, погрязших в болоте буржуазного парламентаризма и гнавшихся только за избирательными бюллетенями и депутатскими местами, смелого призыва к отказу от военных действий и саботажу мобилизации. Еще менее надежд подавали профессиональные союзы, которые, за исключением синдикалистов, вообще, не думали не о чем, кроме борьбы за будничные повседневные интересы рабочих. Но можно было, по крайней мере, надеяться, что профсоюзы и социалистические партии сохранят в этом отношении нейтралитет и откажутся прямо солидаризироваться с военной политикой правительств своих стран. Но и этой надежде не суждено было сбыться.

Как только война была об'явлена, все рабочие организации, еще несколько дней тому назад протестовавшие против военных приготовлений, прямо и открыто перешли в правительственный лагерь. Германские социал-демократы из'явили кайзеру верноподданические чувства, и часть из них добровольно облачилась в военный мундир. Французские социалисты на заседании палаты депутатов

единогласно голосовали за войну и выразили доверие правительству, забыв даже о гибели своего вождя Жореса, предательски убитого подосланным националистами убийцей. Среди английских социалистов, главным образом, среди деятелей Независимой Рабочей Партии, была кое-какая немая оппозиция, выразившаяся не в каком-нибудь протесте, хотя бы словесном, а в отсутствии энтузиазма к войне.

Вожди профсоюзов оказались в первых рядах новоявленных социал-патриотов. Надо сказать, что, в виду их непосредственной связанности с массами, все правительства, даже самые реакционные, принялись ухаживать за ними. Необходимо было не только обеспечить со стороны рабочих масс слепое повиновение военным приказам, но и активное содействие в деле сохранения хотя бы подобия нормальной жизни внутри страны. Вчера еще только терпимые в правительственных кругах вожди рабочих союзов превратились в очень ценных сотрудников власти в деле вовлечения населения в работу по организации тыла. Рабочие вожди с большой охотой пошли на эту новую для них правительственную работу, так как в области своей профессиональной работы им делать было нечего. В первый период войны, когда она не приняла еще характера войны позиционной, когда генеральные штабы еще надеялись на быстрое одоление противника, рабочие почти поголовно оказались в рядах армии. Союзы обезлюдели и не вели никакой классовой работы. В лучшем случае, они занимались благотворительной деятельностью по организации столовых для семей, лишившихся своих кормильцев.

В Германии, где ослепленная своими первыми успехами военщина была меньше всего склонна

считаться с так называемым общественным мнением, особенно, с мнением рабочих кругов, которые она третировала свысока, роль рабочих лидеров была особенно жалкая. Они впряглись в правительственную колесницу, не получив взамен ничего, кроме покровительственного похлопывания по плечу.

Уже на второй день войны, 2 августа 1914 года, собравшаяся в Берлине конференция представителей союзных правлений постановила, чтобы всюду, где в это время велась борьба за заработную плату, последняя была немедленно прекращена. Карл Легин истолковал эту резолюцию в том смысле, что профессиональные союзы хотели этим подчеркнуть, «что с их стороны не последует никакого нарушения хозяйственной жизни во время войны». А на заседании 17-го августа та же конференция еще расширила это постановление, признав, что «правления союзов не должны давать разрешения на об'явление наступательных стачек, а стачки оборонительные могут имет место только при согласии на это всех организаций, члены которых работают в данном предприятии. Результаты этого постановления сказались очень сильно: с конца августа 1914 года по сентябрь 1915 г. в Германии в стачках принимало участие всего только 10.739 рабочих, — цифра, абсолютно ничтожная для многомиллионного пролетариата Германии.

В своем стремлении к гражданскому миру профессиональные организации быстро пришли к идее так называемого «делового сотрудничества» с организациями предпринимателей. Начало положил союз деревообделочников, правление которого начало осуществлять «деловое сотрудничество» уже через несколько недель после об'явления войны. За деревообделочниками последовали строитель-

ные рабочие, а в начале 1915 года правление союза деревообделочников предложило генеральной комиссии германских профсоюзов начать переговоры с союзом предпринимателей о «деловом сотрудничестве» в общем для всех отраслей промышленности масштабе. Идея эта, впрочем, получила свое полное осуществление лишь в 1917 г., так как против нее высказались, как это ни странно, предприниматели, которые находили, что никаких соглашений с рабочими о деловом сотрудничестве заключать не стоит, и что рабочие должны попросту работать на пользу их кармана во славу отечества.

Само собой разумеется, что практическая деятельность германских союзов была подорвана самым фактом мобилизации. Число призванных членов профессиональных союзов в Германии к 1 сентября 1914 года достигло уже 589.000 человек, год спустя число это превысило уже миллион, т.-е. достигло почти половины числа организованных рабочих в Германии накануне войны. В некоторых союзах число мобилизованных доходило до 80—90%. Несмотря на это, союзы продолжали выдавать огромную сумму на вспомоществование нуждающимся рабочим. До 31 июля 1915 года свободные союзы (социал-демократические) выплатили в общей сложности 21.578.000 марок безработным и 10.421.000 семьям призванных.

Настоящей союзной жизни в этот период не было. От имени союзов распоряжались верхушки, проводившие политику руководящих центров. «При нынешнем положении вещей,—заявил 2 августа 1914 года Карл Легин, — режим демократии в профессиональных союзах прекращается: теперь правлениям придется решать все вопросы за соб-

ственной ответственностью, руководствуясь при этом велениями совести». Вся деятельность этих правлений была направлена на поддержку правительства. Союзы вкладывали значительные денежные суммы в военные займы. «Мы не будем допытываться, — пишет по этому поводу историк германского профессионального движения Зигфрид Нестрипке,—что играло главную роль в этих советах и чем руководствовались отдельные союзы, проводя подобную подписку — практический ли расчет на получение хороших процентов, или желание подчеркнуть свой патриотизм».

В итоге вожди германских союзов отказались на время войны от всякой классовой борьбы, не получив взамен даже какого-нибудь политического влияния на ход государственной жизни.

Более крупная роль в этом смысле выпала в течение войны на долю вождей английских трэд-юнионов. «Уже в фатальные августовские дни,— пишет в своих «Очерках современного трэд-юнионизма» тов. Чекин (В. Яроцкий), — когда назревало участие Англии в разразившейся на востоке военной буре, началось неприкрытое ухаживание за деятелями трэд-юнионизма. В ходе же военных событий дело дошло до того, что Ллойд-Джордж, до того никогда и не думавший о выступлениях на чисто рабочих с'ездах и собраниях, не пропускал ни одного трэд-юнионистского конгресса, чтобы не выступить на нем с программной речью. С 1915 года в Англии о линии поведения правительства стали узнавать не столько даже по парламентским дебатам, сколько по выступлениям представителей министерства на рабочих собраниях.» [1])

[1]) А. Чекин. „Очерки современного трэд-юнионизма". Стр. 118.

Англия, где к моменту начала войны не было даже обязательной воинской повинности, где не было ни готовых военных кадров, ни сколько-нибудь развитой военной промышленности, где надо было начать с перестройки всей страны на континентальный тип милитаризованного государства, естественно, явилась той страной, где опыт использования профессиональных организаций для военных целей был применен особенно широко.

Трэд-юнионы в свою очередь без колебаний пошли навстречу ухаживаниям правительства. Они приняли войну без оговорок и повели усиленную агитацию против германского империализма, совершенно забывая об исконном империализме Великобритании.

«Выразителем настроений трэд-юнионистов в эти моменты, — пишет А. Чекин, — явился Вилль Крукс, старый трэд-юнионист и рабочий коммонер (член палаты общин), который провел по всей стране кампанию в пользу добровольной записи рабочих в армию, и чьи резкие нападки на «кайзеризм» горячо воспринимались трэд-юнионистской аудиторией. Рядом с Круксом шел в эти моменты и Уорд, вождь шоссейных рабочих, из которых он составил несколько батальонов (он ими и командовал, получив чин полковника), и Вилль Торн, лидер из газовщиков, и целый ряд других трэд-юнионистов. Голос умеренного протеста, раздававшийся с политической трибуны, голос Рамзея Макдональда и Филиппа Сноудена, в это время звучал глухо и не находил сочувственного отклика. Патриотизм являлся лейт-мотивом политических настроений трэд-юнионов » [1])

[1]) А. Чекин. „Очерки современного трэд-юнионизма". Стр. 119

Быть может, интереснее всего с идеологической точки зрения поворот, который совершили французские синдикалисты. Отметим сначала факты. На позицию, которую должны были занять французские синдикалисты, были устремлены не только взоры пролетариата, но и внимание органов министерства внутренних дел. Существовал так называемый в полицейских архивах список Б., в который вошли революционеры, подлежащие аресту в административном порядке в случае мобилизации. Деятели Всеобщей Конфедерации Труда стояли там на первом месте. Можно было ожидать, что весь штаб французского профдвижения с момента открытия войны очутится в тюрьме. Случилось, однако, нечто иное. Между генеральным секретарем Всеобщей Конфедерации Труда Леоном Жуо и министром внутренних дел Мальви (которому впоследствии реакционеры никак не могли простить «потворствования» рабочему движению) была заключена сделка, по которой Леон Жуо и его соратники по революционному профессиональному движению не только не были арестованы, но сам Жуо был даже освобожден от мобилизации и оставлен на своем посту в тылу «работать на оборону». Более того, по рекомендации Жуо освобождали от мобилизации и других работников союзов, как полезных работников по поддержанию духа в тылу.

Измена вождей была полной. Многие французские товарищи склонны даже об'яснять этой изменой вождей и поведение всей остальной массы организованных рабочих. Это, конечно, преувеличение, — мы уже отмечали в предыдущей главе более глубокие причины, сделавшие возможной эту измену, — но не подлежит сомнению, что по-

ведение Жуо разлагающим образом подействовало на некоторые колебавшиеся элементы среди синдикалистов. Надо отметить, что случаи отказа подчиниться приказу о мобилизации среди рядовых синдикалистов имели место в начале войны, и они были бы более многочисленны, если бы руководители подали пример. Но руководители не только не подали примера революционного выступления,—это было бы еще простительно, в виду того угара, который господствовал в первые дни войны, — но и пошли по наклонной плоскости, превратившись в прямых агентов министерства внутренних дел, и это, разумеется, нельзя оправдать никакими смягчающими обстоятельствами.

А обстоятельства, были, действительно, трудные для последовательных противников войны. Впоследствии на Лионском конгрессе 1919 года, Жуо так описывал этот момент: «Я шел в помещение Конфедерации. Мы встретились с Монаттом [1]). У обоих были слезы на глазах. Я шел на похороны Жореса. Знал ли я в этот момент, что я буду говорить? Нет, но я знал, что в виду атмосферы, которая нависла над страной, в виду того состояния умов, которое тогда господствовало, слова, которые я скажу, — потому что я обязан был выступать, — будут иметь серьезные последствия... В этих словах я стремился не создавать инцидента, который позволил бы правительству обрушиться с репрессиями на рабочий класс, чего одни ждали с опаской, другие с надеждой. Преступление, которое я совершил, заключалось в том, что я отогнал тяжелые тучи, которые нависли над рабочим классом.»

[1]) О роли Монатто мы будем говорить в дальнейшем.

В этом воспоминании Жуо есть, конечно, элементы самооправдания, но в них есть и правда, что в момент об'явления мобилизации, за два дня до войны, вожди Конфедерации еще не совершили прямой измены. Они не решились тогда призвать к саботажу мобилизации, ибо такой призыв и такие действия в тот момент, несомненно, привели бы к кровавому подавлению революционных элементов.

Это был скорее момент нерешительности, который подтверждается и словами Мерргейма, занимавшего тогда левую позицию даже участвовавшего в 1915 г. в Циммервальдской конференции, и который, следовательно, не может быть заподозрен в сократии истины. На этом же Лионском конгрессе он говорил: «Мы были совершенно растеряны, совершенно обезумели. — Немногие среди нас осмелились сказать самим себе: «Если бы даже нас расстрелять нас, а расстрелял бы нас сам; а мы, дание Конфедерации». Почему? Потому что в этот момент, рабочий класс, охваченный волной национализма, даже не оставил бы агентам власти труда расстрелять нас, а расстрелял бы нас сам; а мы, активные работники профессиональных союзов, были до того обескуражены этой волной, что, отправляя Жуо говорить в этот момент на похоронах Жореса, даже не подумали его спросить, что он будет там говорить».

Но едва война была об'явлена, национальный комитет (пленум) Всеобщей Конфедерации Труда от простой нерешительности перешел к решительному выступлению в защиту национальной обороны. Лидеры синдикализма вместе с социалистами вошли в состав «священного единения классов». Не будучи депутатами парламента, они не могли

быть назначены министрами создавшегося коалиционного министерства национальной обороны. Но генеральный секретарь Конфедерации Жуо получает официальное звание комиссара нации и принимает это звание, даже не предупредив своих товарищей по национальному комитету. Когда правительство переезжает в Бордо, Жуо следует за ним и раз'езжает затем по стране с патриотическими лекциями.

Среди членов национального комитета нашелся только один человек, верный старым революционным принципам, который отказался следовать за Конфедерацией по оборонческому курсу. Это был Пьер Монатт, ныне член французской коммунистической партии. После того, как национальный комитет Всеобщей Конфедерации Труда на заседании 6-го декабря большинством всех голосов, кроме Монатта и представителя федерации металлистов Мерргейма, отклонил приглашение социалистов нейтральных стран о созыве международной конференции для возобновления международной связи между рабочими организациями различных стран, Пьер Монатт подал в Национальный Комитет заявление о своем уходе. В этом заявлении он следующим образом излагает причины, приведшие его к этому решению:

«В течение последних пяти месяцев я с изумлением и скорбью был свидетелем того, что Национальный Комитет без возражений санкционировал принятие его генеральным секретарем официального поста Комиссара Нации, что, спустя несколько недель Исполком Конфедерации, перебравшись в Бордо, согласился организовать ряд лекций в провинции за счет правительства, что ответственные работники профессиональных организаций

усваивают себе все более и более самый националистический язык, и, наконец, сегодня Национальный Комитет отказал в своем сочувствии попытке социалистов нейтральных стран содействовать восстановлению мира. Для Национального Комитета свободная речь в настоящий момент представляется преступлением, чем-то в роде маневра в пользу Германии, совсем, как для официоза «Тан» и для правительства».

Это заявление Монатта навеки останется обвинительном актом против вождей французского синдикализма за их поведение в трагический момент мировой бойни крестьян и рабочих во славу капитала.

Противоречие между Монаттом и большинством Национального Комитета Всеобщей Конфедерации Труда было полное: в то время, как Монатт полагал, что со времени битвы на Марне, когда французская армия отразила первый натиск немцев, обязанность рабочих организаций бороться за мир удвоилась, Жуо и его присные не только относились отрицательно к борьбе за мир, но и помогали правительству душить всякое свободное слово.

Интересна в этом отношении судьба конфедериального органа «La Bataille Syndicaliste» («Синдикалистская Борьба»). Газета эта отказывалась помещать даже статьи о пацифистских выступлениях знаменитого писателя Ромэн Роллана, что повело к выходу из редакции некоторых постоянных сотрудников. Собрание пайщиков газеты выразило по ээтому поводу неодобрение редакции. Тогда администрация закрыла газету, а уже на следующий день она вышла под названием «Борьба» (прилагательное «синдикалистская» исчезло не

только из заглавия, но и из содержания газеты). Новый орган избавился, таким образом, от контроля рабочих организаций и пользовался субсидией министерства внутренних дел. Сотрудничество между вождями Конфедерации и правительством национальной обороны получило, таким образом, свое официальное выражение.

Но мы забежали несколько вперед, так как история с газетой «Синдикалистская Борьба» произошла уже в сентябре 1915 г., когда положение дел во французском профдвижении несколько изменилось и создалась уже определенная интернационалистская оппозиция. Вернемся поэтому несколько назад, к первому году войны, и посмотрим были ли какие-нибудь попытки восстановления Интернационала в этот начальный период войны.

Еще в сентябре 1914 года, через пять недель после открытия военных действий, представитель швейцарских союзов, Грабер, действуя от имени Международного Рабочего Секретариата профсоюзов (после войны местопребывание последнего было перенесено из Берлина в Швейцарию), отправил французским синдикалистам письмо с предложением сотрудничать в издаваемом Секретариатом «Бюллетене».

Национальный Комитет Французской Конфедерации ответил отказом, ссылаясь, отчасти, на невозможность сотрудничать в одном органе с немцами, которые поддерживают империализм своего кайзера, отчасти, на фактическое положение дел во французских союзах. Эта фактическая часть очень интересна, так как дает представление о том положении, в котором очутились союзы Франции в начале войны. (То же самое имело место и в других воюющих странах, кроме, пожалуй,

Англии, где общей мобилизации в начале войны не было, и союзы продолжали функционировать). Приводим выдержку из этого письма:

«К нашему величайшему сожалению, мы не можем дать удовлетворительного ответа на ваше предложение. В самом деле, мобилизация тысяч, даже миллионов французских рабочих, вырвала из наших рядов подавляющее большинство наших профессиональных работников. Правительство выдает семьям мобилизованных пособие, которое не превышает 1,25 франка в день, и по 50 сантимов на каждого ребенка. В силу создавшегося положения, прекратилось поступление членских взносов в синдикаты и федерации, а значит и в Конфедерацию. Деятельность союзов выражается только в том, чтобы помочь рабочим пережить этот тяжелый период испытаний с меньшим количеством лишений.

«Наш орган «La Voix du Peuple» (Глас Народа) перестал выходить. Национальный Комитет через посредство своей исполнительной комиссии образовал совместно с социалистической партией Комитет Действия. Задача последнего заключается в том, чтобы бороться с трудностями настоящего момента и могущими быть посягательствами на наши свободы. Синдикаты (так называются во Франции местные отделения союзов), биржи труда и департаментские об'единения синдикатов (соответствуют нашим губпрофсоветам) организуют, при помощи Национального Комитета Помощи и муниципалитетов, народные столовые, в ожидании того времени, когда они смогут возобновить свою чисто союзную деятельность».

Итак, не только идейный, но и материальный крах профессионального движения, — вот чем характеризуется наличный период войны.

Но вернемся к попыткам международных отношений в этот период.

После скромной попытки швейцарских представителей Интернационала, о которой мы уже упомянули, последовала попытка скандинавских профработников, так как местопребывание Интернационала профсоюзов было, в конце концов, перенесено в Копенгаген. Баумейстер, секретарь датских союзов, разослал письмо о желательности восстановления международной связи (письмо это помечено 31 октября 1914 года), а затем из Скандинавии же последовало предложение социалистов нейтральных стран о созыве международной конференции социалистических партий и профессиональных об'единений. Социалисты и профессионалисты стран Антанты ответили отказом, ссылаясь на то, что мир нарушила Германия, и ей первой надлежит сделать шаг к миру.

Наконец, в конце 1914 года Американская Федерация Труда разослала всем профессиональным центрам письмо с предложением «организовать» в то же время и в том же месте, где будет заседать мирный конгресс, международную конференцию общепрофессиональных центров всех стран, чтобы помочь восстановлению добрых отношений между организованным пролетариатом и привлечь его к выработке основ прочного и окончательного мира».

Попытка очень скромная, ибо предложение о созыве Международной Конференции приурочивалось только к окончанию войны, когда будет заседать мирный конгресс. Именно в виду безобидности этого предложения, которое никак нельзя было истолковать, как попытку «преждевременно» кончить войну, Всеобщая Конфедерация Труда ответила на это предложение положительно и даже

наметила основы будущего мира: 1) уничтожение тайной дипломатии; 2) абсолютное уважение прав национальностей; 3) немедленное ограничение вооружений во всех странах; мера, за которой должно последовать полное разоружение; 4) обязательная передача на рассмотрение третейского суда всех конфликтов между государствами.

Интересно отметить, что германские профсоюзы признали неприемлемым даже это, более чем скромное, начинание. Легин, секретарь Всеобщего Германского Об'единения профсоюзов и бывший секретарь Международного Рабочего Секретариата, прислал Американской Федерации Труда лаконический ответ: «Подобная конференция представляется совершенно ненужной. Она неосуществима». Германские профсоюзы, таким образом, не только не считали нужным предпринимать шаги к скорейшему окончанию войны, но отказывались даже воздействовать на характер будущего мирного договора, когда война придет к своему естественному концу.

Надо, впрочем, заметить по этому поводу, что позиция вождей профсоюзов определялась не только содержанием делаемых ими со стороны предложений, но и тем, от кого эти предложения исходили. Французские синдикалисты отвергли предложения, исходившие от швейцарских и скандинавских социалистов, подозревая последних в немецкой ориентации, а Легин с таким же подозрением отнесся к инициативе Американской Федерации Труда, усматривая в ней союзническую интригу.

Разница между французскими и германскими профессионалистами в этот период заключалась, впрочем, в том, что Легин с братией не считал

нужным и вспоминать об Интернационале, а Жуо и К° считали нужным соблюдать приличия и неизменно клялись в своей верности Интернационалу, который - де разрушен немцами.

Исходя из этого желания соблюсти приличия, французские и английские профессионалисты решили участвовать в созванной по инициативе французской социалистической партии Лондонской Конференции рабочих организаций союзных стран. Конференция эта состоялась 14 февраля 1915 года при участии представителей Англии, Франции, Бельгии и некоторых русских эмигрантов социал-патриотического толка, которые, впрочем, никого не представляли, кроме самих себя. Резолюция, принятая этой конференцией, началась с провозглашения верности принципам интернационализма, а в резолютивной части не давала никакого толчка к борьбе за мир, перекладывая ответственность за войну на империализм германского кайзера.

Шовинистический характер этой резолюции виден хотя бы из того, что под ней подписался Вандервельде, который впоследствии был одним из авторов Версальского мира, а также из того, что составителям ее пришлось впоследствии переделывать, чтобы сделать ее приемлемой для умеренно - оппозиционной английской независимости рабочей партии и для левых течений во французском профдвижении.

Последние были вообще против участия в сепаратной конференции социалистов и профессионалистов одних только союзных стран, считая, что это способствует не об'единению пролетариев всех стран, а их раз'единению. От имени федерации металлистов Мерргейм, один из вождей оппозиции (в это время Монатт был уже мобилизован,

не желая пользоваться отсрочкой, которую можно было получить через Жуо, то-есть фактически через министра внутренних дел Мальви), внес в Национальный Комитет резолюцию, в которой указывал, что нельзя взваливать только на германский империализм ответственность за войну, что требование «раздавить Германию» является преступлением с точки зрения социалистических принципов, и что созыв конференции социалистов и профессионалистов одних только союзных стран только возложил бы на них ответственность за империалистическую политику их собственных правительств.

Но Меррегейм остался в меньшинстве, а Жуо принял участие в пресловутой Лондонской Конференции.

Лондонской Конференцией заканчивается первый период войны, когда шовинистическое ослепление рабочих организаций достигло максимума. После этого начинается период некоторого отрезвления. Возникают и активно выступают оппозиционные группы, требовавшие скорейшего окончания войны. Этому периоду мы посвятим следующую главу, отнеся туда и историю некоторых оппозиционных выступлений за первое полугодие мировой войны.

ГЛАВА III.

Первые признаки отрезвления. Анти-военная оппозиция в союзах.

Военный угар стал рассеиваться довольно скоро. Ложь буржуазных газет о военных прогулках в Берлин, Париж, Москву и т. д. скоро обнаружилась, энтузиазм геройства пропал, и сидение в окопах также надоело солдатам, как жизнь без кормильцев семьи — женам и детям последних. Сознательная часть рабочих вспомнила о принципах социализма и интернационализма, которые проповедывались им в «доброе, старое время», и стала критически относиться не только к милитаристической политике своих правительств, но и к тому гражданскому миру, который всячески насаждали повсюду вожди рабочих союзов и социалистических партий.

Почти повсюду оппозиция начала давать себя чувствовать с начала 1915 года. Выход Монатта из Национального Комитета Всеобщей Конфедерации Труда в декабре 1914 года, был первым союзным выступлением на этом пути. Соратниками Монатта явились Росмер, вместе с Монаттом редактировавший синдикалистский еженедельник «Рабочая Жизнь», и Меррге́йм, секретарь федерации ме-

таллистов. (В группе «Рабочей Жизни» принимали участие и некоторые русские эмигранты с т. Троцким во главе).

В мае месяце 1915 года Мерргейм выпустил номер журнала «Союз Металлистов» (первый номер после открытия военных действий), в котором сопоставлял лозунги официальной Германии — «Долой царизм» — и официальной Франции — «Долой германский империализм» — и показывал, что оба эти лозунга сфабрикованы для обмана рабочих масс правительствами, желающими скрыть от народа свои собственные империалистические цели. Номер этот произвел впечатление разорвавшейся бомбы. В дальнейшем «Союз Металлистов» должен был выходить нелегально или полулегально.

Вместе с секретарем Федерации бочаров Бурдероном Мерргейму удалось добиться от Всеобщей Конфедерации Труда созыва общефранцузской конференции профессиональных союзов. На конференции этой, состоявшейся в августе 1915 года, присутствовало 172 делегата от 118 организаций—46 бирж труда, 34 департаментских об'единений (губпрофсоветов) и 38 федераций. Представительство, таким образом, было неполное, но оно во всяком случае свидетельствовало о том, что союзы начали понемногу возвращаться к жизни после застоя, в котором они пребывали в первые месяцы войны. На конференции этой Мерргейму и Бурдерону удалось собрать вокруг своей резолюции, провозглашавшей верность Интернационалу и протест против тактики «священного единения классов», голоса 27 организаций, в том числе федерации металлистов, бочаров, кожевников и работников просвещения. Последние сыграли затем крупную роль в пропаганде антимилитаристических идей во Франции,

стяжав себе непримиримую ненависть всех правительственных органов, упорно нежелавших признавать за учителями права на профессиональное об'единение.

Меньшинство не только декларировало свою верность Интернационалу, но и решило активно доказать ее на деле. Меррге́йм и Бурдерон отправились в Швейцарию, где приняли участие в Циммервальдской Международной Конференции, которая, как известно, послужила зародышем будущего коммунистического Интернационала. (Отметим, между прочим, что в Циммервальде оба французских делегата примкнули к умеренному течению, в отличие от Ленина, который уже тогда выставил лозунг гражданской войны, как единственного способа покончить войну империалистическую).

Мы остановимся на значении Циммервальдской конференции несколько ниже и продолжим сперва очерк развития оппозиционного движения против войны внутри французских союзов. Решения Циммервальдской конференции стали опорным пунктом интернационалистской пропаганды во Франции. Вместе с левыми социалистами Меррге́йм и Бурдерон основали «Комитет для восстановления международной связи пролетариата», вокруг которого сгруппировались все левые элементы рабочего движения Франции.

Впоследствии из этого комитета выделился более левый Комитет Защиты Синдикализма. Комитет этот в 1916 году опубликовал декларацию, в которой клеймил поведение вождей большинства Конфедерации, ставших на путь сотрудничества классов и «покинувших профессиональную классовую борьбу для проникновения в разные правитель-

ственные комиссии, внутри которых они пытаются осуществить рабочие требования». Декларация эта указывала всем синдикалистам, что война ничего не изменила в сущности социальных взаимоотношений различных классов. Под декларацией подписались представители различных рабочих организаций, но под ней не было подписи Меррге́йма, представителя Федерации металлистов, что служило предвестником будущего его перехода в лагерь Жуо.

Эта деятельность левой оппозиции протекала в условиях правительственной цензуры и бойкота со стороны всех официальных органов. Надо было преодолевать необычайные трудности для простого опубликования в печати сведений о деятельности Циммервальдской и последовавшей за ней Кинтальской конференции. О массовых собраниях, и митингах не приходилось и думать. В то же время руководители Конфедерации совершенно открыто выступали в самом заядлом шовинистическом духе. От классовой борьбы не осталось и помина. Жуо выступал с докладами на банкетах союза французских промышленников и коммерсантов, и одна из его речей (4 марта 1916 года) на этих банкетах была даже отпечатана по постановлению Национального Комитета Всеобщей Конфедерации Труда. А о характере этой речи можно судить по приводимому в книге Гильбо «Социализм и синдикализм во Франции во время войны» ответу представителя промышленников на речь Жуо: «Заявления, сделанные г. Жуо, и прием, оказанный его программе, думается мне, являются достаточным доказательством того, что у нас в одинаковой степени имеется интерес по возможности в частых беседах друг с другом, чтобы освободиться от

беспокойных и болтливых посредников (аплодисменты), которые слишком часто вмешиваются в отношения между представителями рабочего класса и, если можно так выразиться, представителями предпринимателей (аплодисменты). Я вполне доволен и убежден в том, что и все вы, господа, поздравите себя с результатами этой первой беседы с г. Жуо».

Таким образом, профессиональное движение под руководством социал-патриотов свелось к закулисным переговорам между Жуо и предпринимателями, переговорам, которые не мешали заводам, работающим на оборону, получать огромные прибыли, но рабочих связывали по рукам и ногам в их попытках улучшить свое материальное положение.

Просматривая французскую прессу 1915—16 г.г., почти не находишь указаний на те или иные выступления рабочих, даже чисто-экономического характера. Уже одно это говорит за то, к чему приводила соглашательская политика Жуо и других верных его приспешников. Правда, министр внутренних дел, радикал Мальви, который прекрасно понимал опасность рабочего движения во время войны, старался, в меру возможности (т.-е. без ущерба для интересов капиталистов), итти навстречу заявлениям Жуо, удовлетворяя некоторые из требований рабочих. Впоследствии реакционная буржуазия, не оценившая стараний Мальви, осудила его, как изменника, но фактически именно он спас буржуазию, вместе с Жуо «обрабатывая» рабочий класс.

В своей международной деятельности французские синдикалисты-патриоты шли рука об руку со своими английскими коллегами. Представители

английских трэд-юнионистов также принимали живое участие во всех патриотических манифестациях. 1 мая 1915 года, на митинге, организованном парижскими профессиональными союзами, выступил английский социал-предатель Бен-Тиллет, секретарь Федерации судостроительных рабочих. Речь его носила ультра-патриотический характер, при чем после выступления в профессиональном союзе он явился с визитом к президенту республики и выступал на всевозможных буржуазных и социалистических собраниях. В результате, английский союз судостроительных рабочих снял его с должности секретаря. В сентябре месяце 1915 г. ряд английских трэд-юнионистов с Ходжесом во главе совершили еще турнэ во Францию, при чем они выступали на конференции 27 сентября, на которой присутствовал и Пуанкаре и английский посол. Церемониймейстером на этой конференции явился неизменный Жуо.

1 мая 1916 года Национальный Комитет Конфедерации устроил совместное совещание с английскими и итальянскими социал-предателями. Присутствовали от английских трэд-юнионов Эпплтон и О'Греди, а от итальянцев — Кабрини, Ригола и Квальино. Присутствовал также представитель бельгийской синдикальной комиссии Гаспар, хотя о мандате последнего говорить не приходится, так как вся Бельгия была занята в этот момент немцами, и бельгийские союзы не функционировали совершенно. Совещание постановило созвать в июле месяце союзническую рабочую конференцию в Лидсе, в Англии, которая по мысли инициаторов ее должна послужить первым шагом к созыву той международной конференции по окончании войны, инициативу которой подала американская федерация труда.

Национальный Совет Итальянской Всеобщей Конфедерации Труда высказался, однако, против участия в Лидской конференции, так как ее односторонний характер являлся прямым нарушением того духа интернационализма, которым была проникнута тогда итальянская Конфедерация Труда. Надо сказать тут, что конфедерация эта была тесно связана с итальянской социалистической партией, и хотя конфедеральные вожди и стояли на правом фланге партии, но все же подчинялись ее руководству. То обстоятельство, что Италия вступила в войну лишь весной 1915 г., когда шовинистический угар уже рассеялся, имело своим последствием, что итальянская партия и профсоюзы решительно и определенно высказались против войны, голосовали против бюджета и принимали участие в международной деятельности по восстановлению Интернационала. Постановление Циммервальдской конференции итальянская Конфедерация Труда, как мы только что видели, считала для себя обязательным.

В Лидской Конференции имелись, однако, итальянские делегаты, но они не были официальными представителями Конфедерации. Этими делегатами явились Кабрини и Квальино от имени патриотического меньшинства Конфедерации и два выходца из анархически-настроенного Союза Итальянских Синдикалистов, Де-Амбрис и Бацци, с самого начала войны вместе с Муссолини перешедшие из революционного лагеря в ряды сторонников борьбы против немцев «до победного конца».

На этой Лидской конференции французы внесли предложение о созыве одновременно с мирной конференцией международной конференции профессиональных союзов для давления на мирный

конгресс в смысле установлении желательных условий мира. Английские представители сначала показали себя даже более непримиримыми, чем французские социал-патриоты и заявили, что с немцами они за один стол не сядут, пока не останется не освобожденным хотя бы один клочок французской территории, но под давлением французов (рассчитывавших, что все равно мирная конференция не соберется раньше освобождения французской территории), приняли в конце концов, предложение Американской Федерации Труда.

В самой Франции созыв Лидской конференции и ее решения встретили оппозицию со стороны деятелей Комитета Защиты Синдикализма, стоявшего на точке зрения чистого циммервальдизма.

В Англии также с 1915 года раздались новые голоса, шедшие вразрез с общим патриотическим настроением деятелей рабочего движения. К точке зрения Независимой Рабочей Партии (очень, впрочем, умеренной в своем отрицании войны) стали присоединяться и многие трэд-юнионисты. Из всех этих элементов образовалось «Общество Демократического Контроля», куда, на ряду с членами Независимой Рабочей Партии (и некоторых радикальных депутатов), вошли видные трэд-юнионисты: Смайли, Томас и некоторые другие. Общество это стремилось покончить с методами тайной дипломатии, потребовав выставления опоределенных целей войны со стороны всех воюющих правительств, что сделало бы невозможным продолжение войны ради тех или иных аннексий.

В то же время началось пробуждение непосредственно в самом рабочем классе Англии. Дело в том, что в начале войны английское правительство, на ряду с обхаживанием трэд-юнионистских

лидеров, произвело большой нажим на трэд-юнионы с целью заставить их отказаться от применения всех законов и обычаев, ограничивающих рабочее время. Нажим этот вызвал большое недовольство в рабочих кругах, вылившееся в ряд крупных стачек. Все призывы правительства и союзных лидеров к чувству патриотизма рабочих оказались тщетны. Особенное возмущение вызвало распоряжение, по которому рабочие в некоторых отраслях промышленности, работавшие «на оборону», были лишены права на забастовку и подлежали в случае отказа от работы мобилизации на фронт. О размахе стачечного движения в Англии мы можем судить хотя бы по тому обстоятельству, что, в то время, как в Германии за первый год войны бастовало только 10.000 рабочих, в Англии за тот же период в стачках принимало участие 345.000 ч.

Из забастовок этих надо отметить выступления углекопов Южного Уэльса и широких рабочих масс в долине реки Кляйда (в окрестностях Глазго), где рабочие об'явили забастовку помимо и вопреки своих союзов. На этой почве создался институт так называемых «шопстюартов», фабричных старост, избираемых всеми рабочими массами и являющихся по самому своему существу зародышем фабрично-заводских комитетов, так как они существуют в России, начиная с революции 1917 г. Движение это сопровождалось также требованием контроля над производством, которое было выставлено на конгрессе профессиональных союзов в Бристоле в 1915 году. Конечно, основной своей цели рабочие не добились, но выступление их явилось большим уроком для правительства, которое стало более внимательно относиться к рабочим требованиям и поставило в некоторых отношениях

капиталистические предприятия, работавшие на оборону, под контроль правительства, что давало возможность представителям правительства улаживать многие конфликты полюбовно, вопреки исконной непримиримости господ-предпринимателей.

В Германии оппозиция против войны шла, главным образом, по партийной линии. Застрельщиками явились несколько социал-демократических депутатов рейхстага, голосовавших против военных кредитов. Вначале они представляли собой группу смельчаков, но уже к 1915 году недовольство официальной линией союзов довольно широко распространилось, если не по всей стране, то во всяком случае в кругах организованных рабочих. В июне месяце 1915 г. недовольство это приняло уже открытые формы. 172 должностных лица социал-демократической партии, из которых многие занимали ответственные посты в профессиональных союзах, опубликовали призыв к правлению социал-демократической партии, призыв, в котором партии предлагалось протестовать против империалистической войны, и демонстративно отказывать правительству в кредитах на военные расходы. С аналогичным воззванием обратились к партии такие видные члены партии, как Карл Каутский, Эдуард Бернштейн и председатель парламентской фракции социал-демократической партии Гуго Гаазе.

Партия находилась перед угрозой раскола. Меньшинство выставило требование о предоставлении ему права голосовать против военных кредитов, вопреки постановлению патриотического большинства парламентской фракции. Требование это, разумеется, представляло собой нарушение партийной дисциплины, но меньшинство настаивало на нем, так как других способов выразить свое от-

ношение к войне оно не имело. Цензура и военное положение душили не только всякий активный протест, но и всякое свободное слово.

Поведение партии в этом вопросе имело огромное значение и для профсоюзов. В виду той близкой связи, которая на практике существовала между партией и верхушками союзов, раскол партии не мог не отозваться самым непосредственным образом и на ходе дел в профессиональном движении. Вожди союзов учитывали возможность того, что раскол партии поведет и к расколу профсоюзов. Но интересно при этом то обстоятельство, что вожди союзов отнюдь не заняли примирительной позиции между большинством и меньшинством партии, а стали на точку зрения безоговорочной поддержки большинства в его социал-патриотической позиции и требовали от меньшинства безусловного подчинения большинству.

Только небольшая часть союзных работников пыталась отстаивать не — боже упаси — точку зрения антивоенной оппозиции, а примирительное отношение в этой оппозиции. Так, собрание ответственных работников союза сапожников приняло резолюцию, в которой отказывалось от вмешательства во внутрипартийный конфликт и только предлагало обеим сторонам избегать раскола и во всяком случае требовало от членов партии, работающих в союзе, чтобы они не втягивали в этот спор союзную организацию.

Но союзные центры и органы печати,—пишет Нестрипке,—а в особенности Генеральная Комиссия германских профсоюзов с ее «Корреспондентсблатт» и даже конференция союзных правлений—все они взяли, к сожалению, иной тон. Их полемика против партийного меньшинства должна была вызвать

у этого меньшинства тем большее озлобление, что оно не имело возможности выступать в защиту своих взглядов с той свободой, какой пользовались их противники. Генеральная Комиссия организовала, между прочим, поход против стоявшего на платформе меньшинства центрального органа партии «Форвертс», обвиняя его в том, что он слишком односторонне информирует читателей о событиях, особенно заграничных, и недостаточно отражает нападки на профессиональные союзы»[1]).

В свою очередь, конференция представителей союзных правлений, состоявшаяся 5 июля 1915 г., вынесла резолюцию, в которой заявляет, что позиция большинства социал-демократической партии есть именно та позиция, которая одна в это время служит интересам рабочего класса, вообще, и профессиональных союзов, в частности. Взгляды, поддерживаемые партийными раскольниками (т.-е. антивоенной оппозицией), противоречат сущности и деятельности профессиональных союзов, и осуществление их было бы равносильно пожертвованию всем тем, что профессиональные союзы создали и к чему они стремятся.

Точка зрения довольно странная. По мнению конференции союзных правлений, война и военное положение есть то, что профессиональные союзы создали и к чему они стремятся. Полемизировать с этими имеющими сейчас уже историческое значение резолюциями не приходится, а приходится лишь констатировать факт, что германские профработники заняли в эту эпоху самую непримиримую позицию по отношению к тем мужественным

[1]) Нестрипке. „Профессиональное движение". Т. II. Стр. 50 Изд. ВЦСПС.

борцам партии и союзов, которые считали для себя позором поддерживать империалистическую политику Гогенцоллернов и звать германских рабочих к истреблению своих братьев по социальному положению в других странах.

Очень любопытна повсященная этому вопросу статья в центральном органе германских профсоюзов «Корреспондентсблатт». По резкости тона в отношении к оппозиции она представляет собой нечто совершенно исключительное.

«Профессиональные союзы должны во что бы от ни стало держаться политики 4 августа (т.-е. поддержки правительства в войне), и мы не находим достаточно убедительных слов, чтобы предостеречь от стремлений, идущих в разрез с политикой социал-демократической фракции нынешнего рейхстага... Прежде всего, мы ждем, что с проповедниками раскола расправятся коротким судом и предохранят партию от их вредного влияния на ее дальнейшее развитие. Нельзя сомневаться, что в союзных кругах смотрят на нынешний кризис в партии, вызванный оставшимся пока безнаказанным нарушением дисциплины, как на чреватый последствиями поворот, который не может остаться безразличным для профессиональных союзов и вынуждает их подумать о защите собственных интересов, пока еще не поздно. Лишь бы только ответственные партийные круги столь же своевременно нашли в себе силу справиться с опасным разложением, или же партия вышла неприкосновенной и единой из этого спора. Всякое иное решение было бы несчастьем для германского рабочего движения» [1]).

[1]) „Корреспондентсблатт" 1916 г. № 3.

Само собой разумеется, что для редакции «Корреспондентсблатт» и для центра германских союзов вопрос стоял не только в спасении единства партии, но и в активной защите военной политики, ярыми проповедниками которой являлись именно лидеры профессиональных союзов.

Тем не менее, вопреки всем стараниям большинства, меньшинство не пожелало отказаться от своей самостоятельности, и дело кончилось выходом меньшинства из социал-демократической фракции рейхстага и образованием особой фракции, назвавшей себя «Социал-демократическим Об'единением». Это случилось 24 марта 1916 года, а уже 1 апреля 1916 года Генеральная Комиссия Общегерманского Об'единения Профсоюзов бросила лозунг о том, что профессиональные союзы не могут поддержать никаких сношений с новым об'единением, и что соглашение, существовавшее еще с 1906 года, между партией и союзами, относится только к старой социал-демократической партии.

Были, однако, и некоторые противники этой точки зрения. К числу их относились председатель союза сапожников Иосиф Симон и редактор журнала того же союза — Вильгельм Бок, которые требовали, чтобы Генеральная Комиссия заняла нейтральное положение по отношению к обеим партиям. Но состоявшаяся 20 ноября 1916 года конференция представителей союзных правлений отвергла их точку зрения и большинством всех голосов против 3-х, признала, что только позиция социал-демократической фракции рейхстага, действительно, отвечает интересам профессиональных союзов. После того аналогичная попытка установить нетральное отношение к обеим партиям имела место со стороны союза торговых служащих,

но и она потерпела поражение на конференции, состоявшейся в июле 1917 года.

Когда создалась окончательно «независимая социал-демократическая партия», ставившая во главу угла своей деятельности отказ правительству в военных кредитах, вопрос об отношениях между нею и союзами все-таки в той или иной форме должен был всплыть. Между деятелями этой партии и некоторыми союзами, или отделениями последних, существовала сплошь и рядом тесная профессиональная связь. Кое-где, например, в Штутгарте были даже попытки создать «организацию единства», которая проводила бы взгляды независимости социал-демократической партии среди профсоюзов. Но, вообще говоря, вожди независимой рабочей партии достаточно хорошо отдавали себе отчет в тех губительных последствиях, которые имели бы раскол профсоюзов, и высказывались неизменно лишь за пропаганду подлинно-социалистических взглядов среди членов профессиональных союзов, предостерегая против выхода из старых, зараженных социал-патриотизмом союзов.

Что касается международной деятельности германских профессионалистов в этот период, то приходится отметить, что после того, как социал-патриоты из профсоюзов стран Антанты организовали свою Лидскую конференцию в июле 1916 г., Карл Легин решил не ударить в грязь лицом и также предложил созыв международной конференции на конец 1916 года. Но Легин сделал уже некоторый шаг вперед и предложил швейцарским профсоюзам взять на себя в этом отношении инициативу для того, чтобы в конференции этой могли принять участие не только профессиональные орга-

низации стран, входивших в германскую коалицию и нейтральных стран, но также и профсоюзы стран Антанты. Попытка эта, однако, не получила осуществления. Посланные швейцарским Профессиональным Об'единением телеграммы в Испанию и Францию были перехвачены французскими военными властями, американцы не дали никакого ответа, а англичане дали отрицательный ответ о своем участии в конференции. После этого швейцарский союзный центр отказался от созыва конференции, и инициативу взяло на себя Амстердамское отделение Международного Секретариата, наметив созыв конференции в Стокгольме, которая и состоялась 8-го июня 1918 года, но о ней мы будем говорить уже в следующей главе.

Период 1915—16 г., о котором мы говорим в настоящей главе, характеризуется, таким образом, почти во всех странах нарождением оформленной оппозиции господствовавшему в момент об'явления войны патриотическому курсу всех социалистических и профессиональных организаций. Оппозиция эта за этот период безусловно окрепла количественно. Известную базу она приобрела хотя бы в факте усиления профессионального движения вообще. Дело в том, что самый характер войны вынудил правительства почти во всех странах демобилизовать значительную часть рабочих, особенно металлистов, или, вернее, не демобилизовать их, а снять с фронта и мобилизовать их на фабриках и заводах. Военная промышленность по изготовлению военного снаряжения шла полным ходом. Безработица исчезла почти совершенно. Увеличение числа рабочих в производстве не могло не привести и к оживлению рабочего движения. Сплошь и рядом этому невольно содействовали

сами военные власти. В Англии и во Франции во избежание всякого рода конфликтов администрация военных заводов и интенданты заключали коллективные договоры с рабочими, тем самым усиливая роль профессиональных организаций, выступавших при заключении этих договоров в качестве представителей интересов рабочих. В силу этих обстоятельств профессиональное движение ожило к концу 1916 года почти во всех воюющих странах.

С точки зрения политического характера оппозиции также приходится констатировать крупный шаг вперед. От робких протестов, от простых отказов быть безгласными участниками политики гражданского мира оппозиция начинает переходить к созданию определенных платформ и программ действия, на почве которых она рассчитывала вести борьбу за освобождение рабочего класса из плена буржуазно-патриотической идеологии.

Крупную роль сыграли в этом отношении Циммервальдская и Кинтальская конференции. На первой собрались все более или менее активные противники империалистической войны. Но определенной платформы у инициаторов еще не было. Самый факт совместного обсуждения вопросов о войне между представителями рабочих организаций стран, находившихся между собой в войне, имел уже огромное значение, свидетельствуя о том, что рабочие перешли выкопанную империалистами траншею между пролетариями различных стран и готовятся выкопать новую траншею, которая отделила бы стороны не по национальному, а по классовому признаку.

Вот как описывает эту конференцию один из ее участников, секретарь французской федерации металлистов, Меррғейм:

«Что делали мы в Циммервальде, какова была наша руководящая идея? Требовали ли мы мира во что бы то ни стало, как нас в этом упрекают? Наша встреча была потрясающая. Это была, прежде всего, встреча с Лениным, с которым мы спорили слово за словом в течение восьми часов. Ленин был за Третий Интернационал; мы были за сохранение существующего Интернационала, ибо, по нашему мнению, он еще не окончательно изменил своему долгу. А Ледебург и другие германские рабочие, что говорили они нам? Инициатива революции должна лежать не на вас, а на нас. От вас же мы требуем, чтобы вы своим поведением во Франции помогли нам осуществить ее в Германии, ибо если французские рабочие будут говорить тем же языком, что и наши пангерманисты, то наша борьба будет парализована.

Вот и все, что произошло на этой конференции. Мы отстаивали на этой конференции достоинство рабочего класса Франции, точно так же, как это делали и делегаты германских рабочих. Мы были об'единены общей мыслью о человечестве и международной солидарности пролетариата.» [1]).

И дальше Меррғейм рассказывает, как французские делегаты составили резолюцию о цели войны и о характере будущего мира, и как германские делегаты сами потребовали включения в резолюцию пункта, исключающего возможность

---

1) Протоколы Парижского конгресса Всеобщей Конфедерации Труда Франции, состоящегося 15—18 июня 1918 г. Стр. 210.

политического или экономического закабаления Бельгии Германией, на что метило германское правительство.

Вот наиболее существенные выдержки из принятой в Циммервальде резолюции:

«... мы, французские и германские социалисты и профессионалисты, заявляем, что эта война не наша война; что мы порицаем со всей нашей энергией нарушение нейтралитета Бельгии, обеспеченного торжественным международным соглашением и признанного всеми воюющими странами. Мы требуем и не перестанем требовать, чтобы Бельгия была восстановлена в полноте всей территории и своей независимости. Мы заявляем, что хотим конца этой войны путем скорейшего заключения мира на условиях, которые не подавляли бы никакой народ, никакую страну; что мы не согласимся никогда, на то, чтобы наши правительства использовали в своих интересах завоевания, которые были бы источником новой войны, в будущем; что мы будем работать каждый в своей стране в пользу мира, который рассеял бы ненависть между народами и давал бы им возможность сотрудничать на общие блага. Такой мир возможен, по нашему мнению, лишь при условии осуждения каких бы то ни было нарушений прав и свобод всякого народа. Захват целых стран или провинций не может служить основанием для аннексий. Мы говорим: никаких аннексий, явных или замаскированных, никаких навязанных, вынужденных включений одной страны в область экономического воздействия другой страны, так как такое экономическое порабощение является еще более недопустимым, чем лишение политических прав заинтересованных групп населения. Мы говорим, что

право народа на самоопределение должно соблюдаться самым строжайшим образом. Мы берем на себя формальное обязательство действовать неустанно в этом смысле, каждый в своей стране для того, чтобы борьба за мир стала настолько сильной, чтобы принудить наших правителей к прекращению бойни».

И в другом месте Циммервальдская резолюция говорит:

«В настоящем непереносимом положении, мы, представители социалистических партий и профсоюзов или меньшинств в этих организациях, мы, представители немецких, французских, итальянских, русских, польских, латышских, румынских, болгарских, шведских, норвежских, голландских и швейцарских рабочих, мы, которые не хотим становиться на почву национальной солидарности с нашими эксплоататорами, мы, которые остались верными международной солидарности пролетариата и принципу борьбы классов, мы собрались здесь, чтобы возобновить разорванные узы международных отношений между рабочими, чтобы призвать рабочий класс к классовому самосознанию и борьбе за мир».

Из этих слов Мерргейма и приведенных нами выдержек из резолюции Циммервальдской конференции видны два обстоятельства. С одной стороны, оппозиция сочла возможным перейти к делу, начать активную борьбу в своих странах за скорейшее окончание войны и принципы справедливого мира. С другой стороны — видно, что на этой конференции столкнулись две точки зрения: 1) точка зрения Ленина, который настаивал на создании III Интернационала и на лозунге гражданской войны, которая одна только может поло-

жить конец войне империалистической; Мерргейм, впрочем, эту часть позиции Ленина замаскировал, но мы знаем, что с самого начала войны Ленин не переставал пропагандировать идею гражданской войны; 2) точка зрения правых циммервальдцев (к которым принадлежали и французские делегаты), позиция которых приблизительно соответствовала позиции русских меньшевиков-интернационалистов, ограничивавших задачи борьбы за мир соответствующим давлением на правительства, давлением, которое принудило бы последние заключить мир.

Если для Ленина борьба за мир была только исходным пунктом борьбы за социальную революцию, если Ленин видел для мирового пролетариата единственный исход из бедствий мировой войны в насильственном ниспровержении капиталистического строя и считал создание III Интернационала путем к победе социальной революции, то для правых циммервальдцев (они имели большинство) центр тяжести лежал именно в борьбе за мир и не связывался непосредственно с социально-революционной борьбой.

Та же дискуссия возобновилась и на Кинтальской Конференции 1916 года. На этой конференции были представлены, главным образом, социалистические партии, но косвенно участники конференции были связаны и с профессиональными организациями. Ленин вел на этой конференции упорную борьбу за лозунг преобразования империалистической войны в гражданскую войну, но полной победы ему достигнуть не удалось. Все же шаг вперед был сделан. И в то время, как Циммервальдская резолюция говорила о борьбе за мир, и в довольно туманной форме о борьбе «за осу-

ществление социализма», Кинтальская резолюция уже определенно говорила о борьбе «за завоевание власти».

Таким образом, лучшие представители рабочего класса уже к концу 1916 года пришли к убеждению, что только диктатура пролетариата,—эта основная идея Коммунистического Интернационала.—может положить конец братоубийственной войне и открыть дорогу к осуществлению социалистического идеала.

Та дисскуссия, которая велась в Циммервальде и в Кинтале в форме чисто-теоретических споров, в следующем 1917 году облеклась в плоть и кровь, ибо с присущей ему энергией Ленин, вернувшись в Россию, проводил свои идеи среди свергнувшего самодержавное ярмо русского народа. Если в 1915—16 г.г. интернационализм делал только свои первые шаги, отстаивая пядь за пядью свои позиции от социал-патриотического большинства всех рабочих организаций, то в следующем периоде столкнулись—и столкнулись не только в России—три тенденции: социал-оборонцев, меньшевиков-интернационалистов и большевиков-коммунистов.

Но об этом в следующей главе.

ГЛАВА IV.

От русской революции до окончания мировой войны.

1917 год явился переломным моментом в истории мировой войны и развивавшегося на ее фоне анти-милитаристического рабочего движения. Помимо сравнительно немногочисленных партийных и профессиональных группировок, написавших на своем знамени: «война войне», — на сцену выступили непосредственно широкие рабочие и солдатские массы. Их толкали на выступление не только — и не столько — агитационные речи и воззвания левых групп в социалистическом и профессиональном движении, но, главным, образом, недовольство затянувшейся войной, в течение которой все правительства успели сдать в архив те «демократические» лозунги, которыми они не без успеха обманывали народные массы в 1914 году. Для всех стало ясно, что союзные правительства, так же, как и государства германской коалиции, ведут борьбу до полной победы, хотят поставить противника на колени, чтобы выжать из побежден-

Война до победного конца была настолько же популярна в кругах промышленной буржуазии, на-

жившейся на военных поставках всех стран, наного врага последние соки.
сколько ненавистна солдатским массам, сидевшим в окопах, и рабочим, мобилизованным на фабриках и принужденным работать на капиталистов по самым низким ставкам. Всякая попытка рабочих, работавших на «оборону», стать на путь активного сопротивления своим эксплоататорам встречала со стороны последних угрозу отправки на фронт. И угроза эта неоднократно проводилась в исполнение. В Германии отправка бастующих рабочих на фронт была обычной мерой расправы с оппозиционно настроенными ээлементами рабочего класса.

Волнения среди солдат и рабочих начали давать себя чувствовать уже с первых месяцев 1917 года. Но широкий характер они приняли со времени получения известий о свержении царизма в России. Если созные правительства и шедшие с ними рука об руку профсоюзные верхи приняли это известие лишь с точки зрения дальнейшей боеспособности русских армий под просвещенным руководством Милюкова и Гучкова, если их германские коллеги не усмотрели в русской революции ничего, кроме надежды на скорую победу над союзниками, то рабочие массы и солдаты как стран Антанты, так и Германии, с восхищением глядели на революционный переворот, происшедшей в России, и классовым своим инстинктом понимали, что Февраль не может не привести к Октябрю, и что русский народ, отвергнув гнет полуфеодальной империи, не остановится на полпути, а попытается использовать свою победу для прекращения братоубийственной бойни и уничтожения капиталистического строя, являющегося источ-

ником войн между народами. Такое отношение к русской революции проявлялось в одинаковой мере во всех воюющих странах.

Во Франции пишущему эти строки неоднократно приходилось слышать из уст солдат, попавших в Париж с фронта и узнавших о февральском перевороте, единодушное восклицание: «И нам бы так», при чем это «так» относилось, разумеется, не к факту свержения царизма, которого во Франции не было, а к факту уничтожения той власти, которая вовлекла страну в кровавую войну. В Париже состоялся ряд грандиозных митингов, посвященных русской революции, при чем участники митингов освистали Жуо, патриотического секретаря Конфедерации Труда, и приняли резолюцию с требованием прекращения мировой бойни и захвата власти советами рабочих и солдат по примеру русской революции. На фронте произошел ряд бунтов, сопровождавшихся расквартированием нескольких военных частей и расстрелами зачинщиков. Среди рабочих начало развиваться стачечное движение.

На событиях во Франции мы остановимся ниже, а сейчас укажем, что такой же отклик встретила русская революция и в Германии. Известный историк германского профессионального движения, Зигфрид Нестрипке, следующим образом описывает этот момент в истории рабочего движения Германии: «Восстание в России явилось светящимся маяком в темной ночи величайшего порабощения и унижения. Для пролетариата всего мира оно было могучим тольчком, побуждавшим перенести этот пример с Востока на Запад, и организовать сопротивление запутавшимся в своем воинствующем безумии властителям. Именно в Германии этот пример

больше всего воспламенил массы и вызвал у них вполне естественное восторженное отношение к русским рабочим, вследствие чего дальнейшее развитие революции в России воспринималось без достаточно критического отношения, как образец, достойный подражания. Поданный большевистской властью террористический пример пробудил у миллионов германских рабочих желание следовать этому примеру (курсив наш). И это отразилось также на профессиональном движении Германии»[1]).

Ничто не может быть характернее этой цитаты. Она свидетельствует о том разномыслии между профсоюзными верхами, сторонником которых с некоторыми оговорками является Нестрипке, и миллионами германских рабочих. Первые готовы были принять февральскую революцию и усматривали в большевизме только насильственную террористическую социализацию, вторые вдохновлялись именно Октябрем и инстинктивно не верили всем тем побасенкам, которые писали о «большевистских зверствах» буржуазные и социал-демократические газеты Западной Европы.

Как отразилось это настроение германских пролетариев на профессиональном и политическом рабочем движении Германии? Уже в конце 1916 года, как мы уже указывали, недовольство широких масс начало выливаться в открытые формы. В связи с арестом Карла Либкнехта бастовало 55.000 берлинских металлистов. В 1917 году начались политические забастовки. Сокращение хлебного пайка на ряду с ростом дороговизны вызвало забастовку

---

[1]) Нестрипке. „Профессиональное движение" том II. Русский пер. Стр. 72.

300.000 рабочих Берлина. Реформистские вожди профдвижения всячески хотели придать этой забастовке чисто экономический характер, но их старания лишь частично увенчались успехом: 50:000 рабочих продолжали бастовать, выставив политические требования. В результате тысячи рабочих были отправлены на французский фронт: для русского фронта они считались слишком неблагонадежными — власти не хотели посылать передовые элементы на братание с русскими революционными солдатами.

Интересно отметить, что Генеральная Комиссия Общегерманского Об'единения Профсоюзов сочла нужным по этому поводу заверить германские имперские власти в своей верности и в преданности германских рабочих целям германской империалистической политики. Но в то же время ей пришлось указать властям, что «низкая заработная плата, нежелание многих предпринимателей оплачивать труд в соответствии с дороговизной жизни, ненужные жестокости при проведении закона о вспомогательной военной службе, неоднократные попытки урезать или упразднить права, признаваемые законом за рабочими, — все это вызывает сильное неудовольствие и создает материал для конфликтов» [1].

Наконец, в январе 1918 года, в эпоху брестских переговоров, в Германии рабочие попытались всеобщей забастовкой продемонстрировать свою волю к миру. В забастовке приняло участие не менее 500.000 рабочих, и она носила почти всеобщий характер для Берлина и окрестностей. Германское правительство, в то время уже начавшее понимать,

[1] Арк. А-п. „История рабочего движения в Англии, Франции и Германии". Стр. 433—434.

что «игра в мир», которую оно начало с Советским правительством России, может привести к тому, что Вильгельма постигнет судьба Николая II, свирепо расправилось с забастовщиками, отправив часть из них на фронт, а руководителей предав суду по обвинению в государственной измене.

Что касается непосредственно роли германских союзов в это время, то укажем, прежде всего что профессиональные союзы начали в это время оправляться от разгрома, постигшего их в первые два года войны. Движение числа членов может быть иллюстрировано следующими цифрами:

в 1923	году	число	членов	равнялось . .	2.578.718
в 1914	„	„	„	„ . .	2.075.759
в 1915	„	„	„	„ . .	1.159.497
в 1916	„	„	„	„ . .	966.705
в 1917	„	„	„	„ . .	1.106.757
в 1918	„	„	„	„ . .	1.664.991
в 1919	„	„	„	„ . .	5.470.073
в 1920	„	„	„	„ . .	7.890.102

Мы привели цифры числа членов и в первые два года после войны, чтобы охарактеризовать тот наплыв в профсоюзы, которым сопровождалось окончание мировой войны, но который начался еще в последние ее годы. Во Франции, как мы увидим, этот численный рост профессионального движения в 1917—1918 годах был выражен еще гораздо резче, чем в Германии, а увеличение численного состава союзов служит всегда наиболее ярким показателем роста активности в рабочем классе и его готовности вести борьбу за свои классовые требования.

Усилилась в германских профсоюзах и оппозиция войне. Пример русских товарищей и призыв Советского правительства России к всеобщему

миру сыграли большую роль в формировании антимилитаристического движения в Германии. Мы отметили уже нарастание оппозиции в союзах приказчиков и торговых служащих еще в 1916 году. К ним надо присоединить союз стекольщиков, правление и комитет которого еще в начале 1916 года протестовали против той позиции, которую Генеральная Комиссия заняла в партийном споре между социал-демократами большинства и независимыми. Весьма сильная оппозиция образовалась и в союзе металлистов. Еще в 1915 году оппозиции удалось провести резолюцию, настаивающую на большей сдержанности в той борьбе, которую профсоюзные верхи вели против независимых социал-демократов. На с'езде этого союза в 1917 году велась горячая борьба между оборонческим правлением и лидером независимых Диссманом. Резолюция оборонцев прошла небольшим большинством 64 голосов против 53, а внесенный Диссманом проект воззвания к рабочим о необходимости внесения боевого духа в деятельность профессиональных организаций нашел 44 сторонников из 117 членов с'езда.

Очень резкая резолюция была предложена в январе 1918 года конференции союзов торговых служащих правлением этого союза. В резолюции этой требовалось, чтобы Генеральная Комиссия Обще-Германского Об'единения профсоюзов сложила свои полномочия и уступила бы свое место другим деятелям, которые могли бы «в соответствии с требованиями нашего времени... довести массовые забастовки до победоносного конца». Резолюция, эта, впрочем, была отвергнута незначительным большинством голосов.

Недоверие Генеральной Комиссии было за то выражено с'ездом союза скорняков в 1918 году. На стороне оппозиции оказалось в 1918 году и большинство делегатов союза пекарей и кондитеров, несмотря на то, что верхи этого союза стояли на оборонческой позиции. После долгих дебатов была принята компромиссная резолюция, в которой говорилось, что с'езд не может согласиться со всеми мероприятиями Генеральной Комиссии во время войны. С'езд заявляет, что верховным законом политики профессиональных союзов должен быть нейтралитет (в партийных вопросах). С'езд поручает правлению воздействовать на Генеральную Комиссию в том направлении, чтобы она представляла только интересы профессионального движения».

Мы привели эту резолюцию, чтобы показать, при помощи каких приемов сторонник большинства старались нейтрализовать оппозиционное движение в профсоюзах, и не дать ему вылиться в открытый бунт против Генеральной Комиссии, которая, идя по стопам Легина, верой и правдой служила защите империи, а после окончания войны и провозглашения республики, как мы увидим в дальнейшем, самой верной опорой поколебавшегося в своих основах капиталистического строя. Этот факт победы социал-патриотических элементов в профессиональном движении и обуздания левых его элементов имел колоссальной важности значение в эпоху ноябрьского переворота 1918 года, ибо именно на долю союзных вождей — в гораздо большей степени, чем на долю германской социал-демократии— выпала незавидная задача сокрушения социалистической революции.

Несколько своеобразно развивалось в описываемый нами период рабочее движение в Англии. Идея прямой «войны войне» не играла там решающего значения. Борьба шла между трэд-юнионистской бюрократией, считавшей возможным подчинить целиком интересы рабочего движения делу войны, и находившимися под влиянием Независимой Рабочей Партии элементами, державшимися точки зрения умеренного интернационализма. Собственно, рабочая масса не особенно интересовалась вопросами высокой политики, но была склонна отстаивать свои экономические интересы, не считаясь с доводами проповедников войны из правительственного и трэд-юнионистского лагеря. Правда, и в Англии имелись левые, считавшиеся большевистскими элементы, из которых стоит упомянуть имя Маклина, вождя бастовавших шотландских рабочих, но влияние их ограничивалось определенными областями, а на общих конгрессах об'единения трэд-юнионов, а также на с'ездах отдельных союзников число их сторонников было относительно не велико. Если английские рабочие тем не менее отклонились от этого ура-шовинистического курса, который был занят трэд-юнионами в начале войны, то это об'ясняется, с одной стороны, усталостью народа от войны, а с другой, — недовольством рабочих масс, отказом трэд-юнионов от традиционных прав и обычаев рабочих, завоеванных английским пролетариатом многолетней борьбой.

А. Чекин в своих «Очерках современного трэд-юнионизма» приводит очень интересную речь секретаря союза железнодорожников Томаса, сказанную им в декабре 1917 года и характеризующую настроение рабочих масс Англии в этот

период. «Сегодня нас вдохновляют уже не те принципы, и не те чувства, и не тот энтузиазм, которые помогли нам пережить критические месяцы 1914 года. И на этот факт не следует закрывать глаз. Что было причиной этого, как я называю его, нравственного упадка? Прежде всего, я полагаю, что ни один кабинет с самого начала войны не проявлял достаточно доверия к населению. В течение трех лет нам ни разу не говорил ивсей правды о положении, и теперь мы дошли до такого положения, что мы, к несчастью, не верим ни одному слову наших государственных деятелей. Другая причина — это постоянное принижение ценности жертв, понесенных народом. Третья, — опасное убеждение, проникшее в народный мозг, что войной пользуются для спекулятивной наживы. В результате создалось представление о том, что мы значительно подались в сторону с пути, ведущего нас к высоким целям нынешней войны. В политическом языке появилось слишком много двусмысленных фраз о наших военных целях». [1]).

Политическое оформление этого смутного недовольства имелось только в кругах некоторых вождей Независимой Рабочей Партии. С оппозиционными речами выступали нынешние министры: Рамзей Макдональд и Филипп Сноуден. Выступая с приветствием французскому социалистичекому конгрессу, в феврале 1918 года, Макдональд говорил о недопустимости мира, который вызвал бы только жажду реванша со стороны побежденных. Он взывал к международному выступлению организованных рабочих, которое одно только поможет народам — преодолеть войну. А на конгрессе

[1]) А. Чекин. „Очерки современного трэд-юнионизма". Стр. 120.

Независимой Рабочей Партии Филипп Сноуден требовал отставки коалиционного кабинета в Англии, отставки, которая повлекла бы за собой и отставку империалистического правительства Франции. Довольно популярно было требование ухода из коалиционного министерства входивших в него депутатов рабочих. Вопрос этот был подвергнут голосованию на конгрессе трэд-юнионов в 1918 году, при чем за выход рабочих министров из кабинета высказалось 901.000 голосов, а против выхода — 1.704.000. Таким образом, на точке зрения умеренной оппозиции войне стояло около трети всех организованных рабочих Англии.

Переходя непосредственно к состоянию профессионального движения в Англии в эти годы, укажем на крупный рост числа членов, начиная с 1917 года. Вот цифры, характеризующие изменение численного состава трэд-юнионов в эпоху войны.

В 1913 г. число членов равнялось	4.172 000
„ 1914 г. „ „ „	4.203.000
„ 1915 г. „ „ „	4.417.000
„ 1916 г. „ „ „	4.674.000
„ 1917 г. „ „ „	5.546.000
„ 1919 г. „ „ „	6.632.000
„ 1919 г. „ „ „	8.081.000

Цифры эти очень показательны. Мы видим из них, что даже в первые самые тяжелые годы войны число членов английских трэд-юнионов, хотя и медленно, но продолжало увеличиваться. В 1917 году резкий скачок почти на миллион новых членов. Еще быстрее пошел этот рост в 1918 и 1919 г.г. Это неизменное увеличение числа членов английских союзов свидетельствует, — наравне с числом

стачек, которое мы приводили во второй главе, — английский пролетариат даже в первые годы войны не был намерен отказаться от своей обычной экономической борьбы.

Мы уже указывали, что еще в 1915—1916 г.г. английские рабочие провели ряд забастовок с требованием отстаивания довоенных трэд-юнионистских привилегий, при чем вождями их в этой борьбе явились на старые трэд-юнионы, а вновь создавшийся институт фабричных старост. В Шотландии, после стачки на Клайде, Совет фабричных старост стал постоянной организацией, и по его примеру подобные Советы стали создаваться и в других местах. Возникло довольно широкое движение, ставившее себе целью создание постоянной центальной организации «шоп-стюартов» (фабричных старост), которая руководила бы рабочим движением всей страны. В 1917 году, когда стихийно развивавшееся стачечное движение охватило целый ряд крупнейших городов: — Лондон, Глазго, Шеффильд и др., — когда портовые рабочие выставили требование установления рабочего контроля над транспортом, был организован и Национальный Административный Комитет Фабричных Старост. Организации фабричных старост возникали почти при всех крупных забастовках, в том числе при забастовках железнодорожников и углекопов.

Движение фабричных старост носило вначале синдикалистский характер, но впоследствии руководители этого движения сблизились с коммунистической партией и дали последней ряд выдающихся борцов. Но это относится уже к сравнительно позднему времени. В общем и целом, оценивая роль английских трэд-юнионов во время войны, приходится признать, что хотя профессио-

нальные союзы стали в это время довольно крупным политическим фактором общественной жизни Англии, но этот рост их государственного авторитета об'яснялся исключительно той ролью «агитпропа» военного министерства, какую вожди трэдюнионов играли при Ллойд-Джордже. Надо в то же время указать, что оппозиция против этой прислужнической роли профессиональных союзов в Англии была направлена не столько в политическую сторону (как в других воюющих странах), сколько в сторону независимой экономической борьбы рабочего класса за улучшение своего материального положения. После войны эта «экономическая» форма революционаризма в Англии сказалась в виде очень сильной вспышки забастовочной борьбы.

Во Франции, наоборот, недовольство войной в последние ее годы приняло характер революционно-политический. Мы уже указывали в начале этой главы на огромное влияние, которое имела в рабочих и солдатских массах Франции русская революция. Мы отметили там солдатские бунты, которые угрожали вылиться в массовый уход с фронта, но правительство бывшего левого радикала Клемансо подавило это революционное движение на фронте железной рукой.

Что касается той части французского пролетариата, которая вместо окопов была прикреплена к фабрикам и заводам, то среди них, летом 1917 года, вспыхнуло сильное забастовочное движение. Стачки эти, из которых приходится специально отметить забастовки на заводах военного снаряжения в Сен-Дени, около Парижа, преследовали не только цель повышения заработной платы, но и были окрашены определенным налетом по-

литического протеста против войны. Очень характерно то обстоятельство, что забастовочное движение охватило на этот раз те слои пролетариата, которые до сих пор туго шли в профессиональные организации, как, например, банковских служащих и модисток. Это свидетельствовало, с одной стороны, о глубоком политическом кризисе, который переживала тогда страна, а с другой, — было провозвестником той тяги в профсоюзы, которая началась еще в конце 1916 года, но с особенной силой проявилась по окончании войны. Правительство, напуганное призраком пролетарской революции в России и волнениями на фронте, приняло решительные меры, к подавлению оживившегося рабочего движения. Закрытие левых газет, арест революционеров следовали один за другим. Федерация работников просвещения получила категорический отказ на свое заявление о желании создать с'езд работников просвещения в августе 1917 года. Причина отказа — отправка приветственной телеграммы Розе Люксембург и Карлу Либкнехту. Некоторые учителя были арестованы за свои интернационалистские взгляды, другие уволены со службы.

Интересно отметить, что уже к осени 1917 года, когда выяснилась разгоревшаяся в России борьба между коалиционным правительством Керенского и большевистски-настроенным пролетариатом, левая оппозиция как в союзах, так и в партии, определенно стала на сторону большевиков. Целый ряд синдикалистских групп принял резолюцию протеста против попыток Керенского задушить освободительное движение российского пролетариата и выразил свое негодование по поводу той гнусной кампании лжи и клеветы, которую вела буржуазная печать союзнических стран.

Успех левой оппозиции был очевиден. К движению их примыкало все большее число организаций, но в то же время количественный рост оппозиционного движения привел к некоторому понижению революционного «качества» левых группировок. Пацифисты и революционные интернационалисты выступили совместно. Под знаменем оппозиции собралось много элементов, далеко не стоявших на позиции революционной классовой борьбы и принимавших от большевизма лишь его требования скорейшего окончания войны. Весь последующий период ознаменовался, с одной стороны, ростом революционного настроения рабочих масс, с другой — господством мешанины взглядов в руководящих кругах оппозиции.

Состоявшаяся в декабре 1917 года в Клермон-Ферране союзная конференция отразила это общее состояние рабочих организаций Франции. Руководящие круги Конфедерации, при всем их социал-патриотизме, не могли не считаться с настроением широких масс, которые, под влиянием русской революции, поняли, что война «за право» является на самом деле ареной столкновения хищнических аппетитов империалистов воюющих стран и требовали по меньшей мере об'явления правительствами целей войны. Принятая в Клермон-Ферране резолюция очень любопытна:

«Конфедеральная конференция, в виду настоящего положения войны и смятения умов, вызванного бессовестной кампанией части прессы, потворствующей всем проявлениям реакции, а также в виду невыясненности целей войны, преследуемых нашим правительством, осуждает всякое продолжение приемов тайной дипломатии, осуждает все соглашения, заключенные за спиной нации, и тре-

бует, чтобы нация была осведомлена об условиях, на которых мог бы быть заключен всеобщий, прочный и справедливый мир. Конференция напоминает нижеследующие формулы, выдвинутые президентом Вильсоном и Русской Революцией, которые французский рабочий класс всегда признавал и теперь признает своими:

«Никаких аннексий, право народов на самоопределение; восстановление во всей их независимости и территориальной неприкосновенности захваченных стран; возмещение убытков; никаких контрибуций; никакой экономической войны после прекращения военных действий, свобода морей и проливов; установление обязательного арбитража для разрешения международных конфликтов; создание Лиги Наций.

«Конференция, выражая чаяния французских рабочих, дает Всеобщей Конфедерации Труда мандат бороться всеми силами за то, чтобы добиться от французского правительства точного об'явления целей войны. Она настоятельно требует от рабочих всех других стран, чтобы те в свою очередь добивались бы того же от своих правительств. Это общее выступление, которого требовала Русская Революция с самого начала, и под которым мы подписываемся, представляется в настоящее время единственным средством избежать заключения сепаратного мира. По всем этим соображениям конференция утверждает право рабочего класса всех стран, и Франции, в частности, участвовать в международной конференции и, в случае необходимости, быть ее инициатором».

Резолюция эта, конечно, явилась моральной победой меньшинства, ибо вместо прежней безоговорочной (на деле, если не на словах) поддержки

правительственной политики было выставлено совершенно неприемлемое для правительства требование об'явления целей войны, что являлось началом действительной борьбы за мир. Но эта победа оппозиции носила только моральный характер. Конфедеральное большинство тем легче пошло на принятие этой резолюции, что уход Мальви с поста министра внутренних дел и переход власти в руки прямой реакции против их воли толкали их в оппозицию. Их значение, как посредников между двумя крайними полюсами, также выростало после начатой рабочим классом борьбы за мир. Вдобавок, принятая резолюция, выставив оппозиционные требования, фактически не скрепляла их угрозой революционных выступлений, что, разумеется, ослабляло ее боевое значение и оставляло свободу действий для соглашательских вождей.

Резолюция эта была принята почти единогласно. Оппозиция выставила сначала другую резолюцию, более резкую, в которой имелось прямое осуждение тактики «священного единения классов», но потом в редакционной комиссии пошла на принятие общей резолюции, рассчитывая единогласием усилить ее моральное значение. Только два представителя Федерации работников просвещения, учителя Лорио и Майю, голосовали против общей резолюции, считая ее недостаточно революционной.

Если вчитаться в указанную резолюцию, то сразу замечаешь, что по своему духу она соответствовала взглядам умеренных оборонцев, не желавших, с одной стороны, компрометировать дело национальной обороны, а с другой — не желавших солидаризироваться с захватнической политикой правительства. Большевистского противопоставле-

ния империалистической войне войны гражданской в ней не было и в помине. Лозунги русской революции смешивались с лозунгами президента Вильсона. Но большинство оппозиции в то время еще плохо отдавало себе отчет в способах борьбы с войной и больше всего желало покончить с тактикой прислужничества рабочих организаций империалистическому правительству.

Слабые стороны единодушия Клермон-Ферранской резолюции не замедлили дать себя чувствовать. В сущности, тактика Конфедерации осталась неизменной. Правда, Жуо должен был несколько ограничить свою роль правительственного комиссара при рабочем классе, правда, руководящие органы Конфедерации вынуждены были уделять больше внимания борьбе рабочих за свои классовые требования, но ожидания рабочих масс, что Конфедерация поведет активную борьбу за мир, осталось обманутым.

Собственно, лишь после Клермон-Ферранской конференции оппозиция почувствовала необходимость выступать самостоятельно, не обманываясь игрой в единодушие. Рабочие массы требовали действия. Центр движения был перенесен в провинцию. Забастовали рабочие Луары, протестуя против отправки на фронт секретаря местного синдиката металлистов Анрие за политические убеждения. 10—22 января в Лионе вспыхнула всеобщая забастовка. Правительственная цензура свирепствовала, и даже в настоящее время не легко собрать материал о революционных выступлениях французских рабочих в этот последний период войны.

24—25 марта в Сент-Этьенне собралась областная конференция левых синдикалистов, стоящих

на позиции прямой революционной борьбы. 18—19 мая, там же собралась уже общефранцузская конференция меньшинства, принявшая резолюцию о всеобщей забастовке. Участники совещания немедленно раз'ехались по местам, чтобы не быть арестованными полицией и иметь возможность приступить к действию. Забастовка вспыхнула и приняла очень широкий характер в департаменте Луары, в Сент-Этьенне, в Дофинэ и округе Лиона. Правительство пустило в ход репрессии и успело через неделю подавить забастовку. Большинство вождей этого чисто революционного движения были арестованы и попали в тюрьмы в Клермон-Ферране. Лионе и Сент-Этьенне, при чем содержались на строжайшем уголовном режиме.

Останавливаясь на этом периоде один из вождей оппозиции. Дюмулэн (впоследствии перешедший в лагерь Жуо), на парижском конгрессе в июле 1918 года, следующим образом расценивал значение этого движения. «На Клермон-Ферранской конференции мы достигли единодушия. Но так как с тех пор ничего не было сделано, мы находимся сейчас перед наличием растерянности в умах рабочих. Если на наших плечах лежит ответственность за стачки в Луаре, то именно потому, что единодушие привело синдикализм к парализованному состоянию. Именно в результате обманчивого единодушия произошли эти беспорядочные движения, которые осуждаются как мною, так и вами, но от которых я не хотел бежать, находясь на месте, в рядах борцов».

Эти слова Дюмулэна, хорошо передающие настроение левого крыла анти-военной оппозиции, в то же время являются с его стороны попыткой перекинуть для самого себя мост в ряды конфе-

сального большинства, не отрекаясь слишком лозорно от своего прошлого. Вообще, расхождение между революционными элементами левой оппозиции и пацифистскими вождями после Клермон-Ферранской конференции пошло быстрыми шагами. Ту же эволюцию, что и Дюмулэн, совершил и Мерргейм. Собственно, уход Мерргейма из рядов крайней левой произошел даже раньше ухода Дюмулэна. Последнему пришлось на парижском конгрессе «оправдываться» в своем участии в Сент-Этьеннской конференции меньшинства; Мерргейм же на эту конференцию не пошел.

Надо иметь в виду, что Клермон-Ферранская конференция постановила созвать в ближайшем будущем конгресс Всеобщей Конфедерации Труда. Конфедеральное Бюро неизменно затягивало созыв этого конгресса, мотивируя эти отсрочки то необходимостью ждать возвращения Жуо из Америки, то тяжелым положением на фронте. Именно потому Комитет Синдикалистской защиты предложил созвать в Сент-Этьенне конференцию меньшинства, чтобы понудить Конфедеральный Комитет созвать, наконец, Конгресс Всеобщей Конфедерации Труда.

Эта борьба за созыв конгресса и организация самостоятельной фракции меньшинства нашли себе выражение в целом ряде конгрессов отдельных федераций. Первым в ряду этих конгрессов явился с'езд железнодорожников весной 1918 года. Вообще говоря, Федерация железнодорожников была сравнительно консервативной и одной из наиболее патриотически настроенной. Но в течение, войны характер этого союза сильно изменился. Прежде всего, самая Федерация сильно выросла. В то время, как в 1916 году в ней насчитывалось только 48 тысяч членов, в 1917 году их было уже 123 ты-

сячи, а в 1918 году число их достигло 200 тысяч. На конгрессе 1918 года было представлено 329 синдикатов, об'единявших около 150 тысяч человек. Эта новая масса, хлынувшая в Федерацию, была настроена очень революционно. Вождем ее явился нынешний генеральный секретарь Унитарной Конфедерации Труда Гастон Монмуссо, который резко выступил как против всей деятельности Конфедерального Комитета во время войны, так даже и против Клермон-Ферранской резолюции. Стоя на точке зрения левых циммервальдцев, он отверг формулу Лиги Наций и высказался за прямое предложение энергичной классовой борьбы, которая является единственной отповедью рабочего класса всем воюющим «за право» правительствам. Правда, резолюция Монмуссо собрала вокруг себя только треть голосов (за нее голосовало 49 тысяч голосов, против — 106 тысяч голосов). Но и этот результат надо признать весьма крупным успехом революционного течения французского профессионального движения.

Аналогичную картину представлял собой Конгресс Федерации металлистов. Отметим, прежде всего, необычайное увеличение членов союза в этот последний период войны, далеко оставившее за собой уровень мирного времени. В то время, как накануне войны Федерация металлистов насчитывала максимум 40 тысяч членов, к июню 1918 г. мы видим в Федерации уже 204 тысячи членов, что означает увеличение в 5 раз. Федерация металлистов, руководимая Мерргеймом, стояла всегда на пацифистской точке зрения и не запятнала себя соучастием в правительственной коалиции национальной обороны. Тем характернее, что на конгрессе появилась оппозиция, обрушившаяся на Мер-

ргейма за его недостаточно резкую оппозицию практике сотрудничества классов, которую усвоило себе большинство Конфедерации в начале войны. Для понимания причин этого роста революционного настроения среди металлистов нужно иметь в виду, что значительную часть металлистов составляли мобилизованные рабочие, имевшие отсрочку из-за работы на оборону. Почти всякое выступление из-за улучшения своего материального положения натыкалось на угрозу отправки на фронт, а с другой стороны, встречало и противодействие солдат, которые заявляли, что они не признают «погони за пятаками», пока сами они, солдаты, гибнут в траншеях. Отсюда стремление этой массы металлистов к революционной борьбе за окончание войны, а не только к чисто-профессиональной борьбе за улучшение условий труда. Правда, авторитет Мерргейма стоял еще достаточно высоко среди металлистов и ему удалось собрать на Конгрессе значительное большинство. Принятая резолюция очень характерна: в ней, с одной стороны, приветствовалась большевистская революция в России, а с другой — выражалось порицание большевистской тактике Комитета Защиты Синдикализма во Франции.

Еще более стремительный рост оппозиции произошел в Федерации строительных рабочих. Федерация эта в момент об'явления войны явилась одной из наиболее горячих сторонниц лозунга «до победного конца». По ее предложению Конфедеральный Комитет в 1915 году отверг первое предложение социалистов нейтральных стран об устройстве международной рабочей конференции. На Конгрессе же 1918 года сторонники войны получили лишь 50 голосов, в то время, как оппозиция почти сравнялась с ними и собрала 46 го-

лосов за свою резолюцию, выражавшую неодобрение руководящим органам Федерации строителей за их отклонение от принципов интернационализма и революционно-классовой борьбы.

Наконец, отметим еще с'езд Федерации рабочих автомобильной и авиационной промышленности. (Федерация эта колоссально выросла во время войны, благодаря непрерывной деятельности аэропланных и автомобильных заводов). На этом с'езде под влиянием Томмази, впоследствии видного члена коммунистической партии Франции, была принята резолюция, в резких выражениях критиковавшая отступление конфедерального большинства от принципов революционного синдикализма и выражавшая братское приветствие советскому правительству революционной России.

Оппозиция, в конце концов, добилась своего, и 16 июля 1918 года в Париже был созван первый со времени войны Конгресс Всеобщей Конфедерации Труда. Конгресс этот явился завершением той внутренней эволюции, которую пережил французский рабочий класс и французское профессиональное движение со времени русской революции. На конгрессе этом присутствовали делегаты более, чем 1.200 синдикатов, и он безусловно свидетельствовал об оживлении французского профессионального движения, оживления, которое пошло особенно быстрым шагом после заключения перемирия. Весь конгресс представлял собой оживленную дискуссию об отношении синдикалистских организаций к войне и к борьбе за мир.

В этой дискуссии уже наметилась новая группировка внутри Конфедерации, группировка, которая в основных чертах сохранилась и после войны. Меньшинство и большинство выступали на

этом с'езде уже, как определившиеся фракции. Из политической перестрелки на конгрессе выяснилось, что обе стороны готовились к с'езду и даже рассылали соответствующие циркуляры своим сторонникам в различных синдикатах. Официальными ораторами меньшинства являлись. Мерргейм Бурдерон и Дюмулэн. И в то же время конгресс показал, что дос'ездовская группировка была уже отжившей. Внутри оппозиции имелись чисто-революционные элементы (Монмуссо, Гюбер и др.), от которых официальные вожди меньшинства были дальше, чем от большинства. И неудивительно поэтому, что в конце с'езда Мерргейм и иже с ним фактически солидаризовались с Жуо и сообща провели компромиссную резолюцию, против которой голосовали наиболее непримиримые элементы крайней левой. Надо иметь также в виду, что многие видные деятели левого течения на юге Франции находились в это время в тюрьмах Сент-Этьенна, Лиона и других городов.

Мы уже отмечали выше речь Дюмулэна, в которой он, защищая Сент-Этьеннскую оппозицию от упреков большинства, в то же время осуждал ее по существу. Если внимательно проанализировать все речи Мерргейма и Дюмулэна, то оказывается, что оба они не столько обвиняли Жуо и К° в забвении борьбы классов во время войны, сколько сами оправдывались от нападков большинства в пренебрежении интересами национальной обороны и создании своей фракции. Гильбо в своей книге пишет: «Не только Мерргейм, но и Дюмулэн высказались за странную смесь, предложенную представителями большинства, из страха ослабить нравственные силы Всеобщей Конфедерации Труда». На самом деле, если Мерргейм и Дюмулэн

пошли на общую с Жуо расплывчатую резолюцию, то это не потому, что они боялись подорвать нравственный авторитет Конфедерации, а потому, что в сущности от большинства их отличало лишь более активное отношение к борьбе за мир. Поскольку Жуо согласился на включение в резолюцию тезисов Клермон-Ферранской резолюции (помесь вильсоновского прекраснодушия и формул русской революции), постольку Мерргейм и Дюмулэн не могли против него ничего выставить.

Вот характерная выдержка из речи Дюмулэна на Парижском конгрессе:

«Я против забастовки, когда есть угроза наступления Германской армии, потому что мы не желаем брать на себя ответственности за ослабление сил национальной обороны в подобный момент. Самый убежденный из интернационалистов, как и самый горячий из шовинистов, никогда не покинет локомотива, который ему поручено вести, и Дюмулэн, если бы он был в окопах, не стал бы отступать. Товарищи из большинства, раньше, чем осуждать, войдите в положение тех»... (Далее следует защита рабочих, бастовавших в Сент-Этьенне [1]).

Итак, официальные руководители меньшинства, оказывается, стоят за национальную оборону, правда, не «до победного конца», а до «справедливого мира». Но не вздумайте их смешивать с той народной массой, которая за 7½ месяцев до Парижского конгресса покончила с войной в России, а через четыре месяца после него — в Германии. Об этом мы узнаем из речи Мерргейма: «Я говорю, — заявил он, — что мы не можем быть с той массой,

[1]) Стр. 146 протоколов Парижского конгресса.

которая стоит за мир во что бы то ни стало, потому что, когда она выходит из мастерской или с завода, вне всякой организации, с иллюзией, будто ей достаточно при настоящих трагических обстоятельствах 48-часовой, или 4-дневной, или 8-дневной забастовки, чтобы добиться мира, то она совершает крупную ошибку, и если ей не удастся таким образом добиться мира, то она может обратиться против истинных защитников справедливого мира»... и т. д. (Стр. 212 протоколов Парижского конгресса).

Настоящим выразителем революционного меньшинства был Монмуссо, выставивший от имени меньшинства особую резолюцию. Его речь не была актом самозащиты от нападок конфедерального большинства, как у Мерргейма и Дюмулэна, а горячим обвинительным актом против тех, кто вел Конфедерацию по пути сотрудничества классов и участия в мировой бойне народов. Его резолюция, осуждая идею священного единения классов, отвергает всякое сотрудничество с правительством, выставляя требование мира на основе лозунгов русской революции, настаивает на восстановлении Интернационала, выражает сожаление о том, что Всеобщая Конфедерация Труда не ответила достойным образом на призывы к миру, исходившие от социалистов нейтральных стран, а также «от русских революционеров, находящихся сейчас в борьбе со всеми силами капиталистов Европы».

В этой резолюции нет еще действенного лозунга, но жажда революционного действия одушевляла это подлинно левое крыло, и это настроение сказалось в конце с'езда. В тот момент, когда Жуо произносил свою заключительную, по всем правилам адвокатского искусства построенную

речь, когда с пафосом говорил он о предстоящей международной конференции и ставил риторический вопрос: «каким актом ответим мы на отказ нашим представителям в паспортах», раздался вдруг решительный ответ Гюбера: — всеобщей стачкой. И эти веские, без обиняков сказанные слова революционера, на время смутили пафос Жуо, вызвав «различные движения» на всех скамьях, как сказано в протоколах с'езда.

Как мы уже указывали, Мерргейм и Дюмулэн выработали компромиссную резолюцию вместе с Жуо. Но 253 делегата голосовали за резолюцию Монмуссо. И это деление сохранилось и до настоящего времени. Умеренные оборонцы и пацифисты слились с бывшими защитниками священного единения классов и создали единое реформистское направление французского синдикализма, а 250 делегатов, отстаивавших действенные методы борьбы, стали опорным пунктом собирания революционных сил и создали впоследствии (в декабре 1921 года) так называемую Унитарную Всеобщую Конфедерацию Труда, об'единяющую в настоящее время все примыкающие к Профинтерну союзы и значительно превосходящую своими силами реформистскую Конфедерацию.

Если перейти от истории профессионального движения в отдельных странах к попыткам воссоздания Интернационала, имевшим место в последние годы войны, то приходится начать с Стокгольмской конференции 8 июня 1917 года. Международного характера она не носила. Кроме профсоюзных стран германской коалиции, на ней были представлены только скандинавские страны. Большевистская партия в России высказалась против этой конференции, так как германские союзные

вожди, бывшие ее неофициальными инициаторами, имели в виду только взаимообеление социал-предателей воюющих стран. Представители же союзных стран по разным причинам уклонились от участия в ней. Истинной причиной была негласная инициатива «немцев». Последние, впрочем, поняли, что в 1917 году нельзя уже было подобным образом фальсифицировать подлинное общественное мнение международного пролетариата и отказались от обсуждения вопроса о прекращении войны по существу.

Решено было созвать новую конференцию в Берне. Но и Бернская конференция, собравшаяся 1 октября, оказалась неудачной: правда, на ней были представлены многие нейтральные страны, но союзники блистали своим отсутствием. Английские, американские и бельгийские профсоюзы отказались присылать своих представителей, а делегаты французских и итальянских союзов не могли получить паспортов. Делегаты от союзов нейтральных стран обрушились на этой конференции градом упреков на английские и американские союзы за отказ от участия в конференции, а на германские союзы — за их позорную роль во время войны. Представители германских союзов пытались оправдать свое поведение излюбленным методом переложения ответственности на союзы противной стороны. Оправдания эти пришлись очень мало по душу делегатам нейтральных стран и с их стороны было внесено предложение об окончательном перенесении международного секретариата в одну из нейтральных стран. Германские делегаты, однако, отклонили это предложение, так как оно было бы равносильно выражению порицания «Германии», а почтенные деятели герман-

ского профессионального движения даже в 1917 г., когда им пришлось уже от безоговорочного оправдания германского империализма перейти к «борьбе», — впрочем, только на словах, — за скорейшее достижение «справедливого» мира, считали самым важным делом защиту «Германии» от малейшего шага, могущего повредить ее престижу.

Подводя итоги этому периоду, приходится сказать, что, начиная с 1917 года, прежняя тактика «войны до победного конца» потерпела безусловное поражение в рабочих организациях Европы. Ее место занял умеренный интернационализм меньшевистского образца, пытавшийся сочетать борьбу за мир с неприкосновенностью дела национальной обороны в каждой отдельной стране. Правильнее называть это течение не интернационализмом,— хотя бы умеренным,—а пацифизмом, ибо сторонники его нигде не стояли на подлинно интернациональной точке зрения, а пытались с своей немецкой, французской или английской точки зрения отстаивать необходимость скорейшего заключения мира.

Но против этого течения, которое в 1915—1916 годах было ничтожной оппозицией, а в 1917 — 1918 г.г. достигло признания почти во всех странах, сложилось новое течение, шедшее непосредственно из недовольства масс и вдохновлявшееся лозунгами русской революции. Это новое коммунистическое крыло мирового рабочего движения нашло свое оформление лишь в послевоенные годы, но уже к концу войны его давление было настолько сильно, что верхи союзов сочли для себя более удобным перекочевать в лагерь пацифистов. Но переход этот был вынужденным: нельзя же было в самом деле вечно вопить «до

лобедного конца», когда уже слышались подземные гулы революции, когда со дня на день можно было ожидать восстания на фронте и внутри страны, когда на горизонте. Европы маячила уже победоносная рабочая революция в России, и имена Ленина, Троцкого и Либкнехта были на устах рабочих и солдат всей изборожденной окопами Европы.

ГЛАВА V.

Конец и наследие войны. Переспективы.

Война окончилась революционным взрывом. Первой вышла из войны еще в 1917 году Россия, рабочие и крестьяне которой предпочли, вместо обслуживания империализма, создать Советскую Республику, полностью осуществившую в своих границах братство народов и стремившуюся не на словах, а на деле к поддержанию мирных отношений со всеми своими соседями. В лагере союзников ее месте заняла Америка, президент которой—Вильсон—прекрасно умел на ряду со всякими миролюбивыми формулами организовать войну. И она тянулась еще год. Но терпение рабочих и солдат было исчерпано. Начали болгарские солдаты, отказавшиеся дальше гибнуть в окопах под обстрелом союзной артиллерии во славу германского Вильгельма и своего Фердинанда. Их примеру последовали австрийцы и венгерцы, которые многому научились во время оккупации Украины. Вдобавок, вернувшиеся тысячами из России австрийские и венгерские военнопленные разнесли по всей своей империи весть о конфискации помещичьих земель и капиталистических предприятий в России, и весть эта, как огненный факел

революции, разнеслась по всем землям габсбургской короны. И, наконец, дрогнула и дисциплинированная и вымуштрованная армия Вильгельма II. Началось беспорядочное отступление нежелавших сражаться солдат. Вспыхнули бунты матросов в портах Гамбурга и Киля. И почти ровно через год (9 ноября 1918 г.) после того, как красное знамя взвилось в Петербурге над Зимним Дворцом, пала в Берлине монархия Гогенцоллернов.

Открылась вторая — после русской революции — страница в истории мировой революции. Казалось, что уже пробил последний час мирового капитализма, что вместе с войной будет ликвидирован во всем мире общественный строй, покоившийся на эксплоатации человека человеком. Народные массы в Болгарии, Австрии, Германии и Венгрии требовали не только мира, но и перехода власти в руки трудящихся. В странах Антанты было велико опьянение победой, но эту победу рабочие массы хотели использовать в своих классовых интересах. В Советской России рабочие и крестьяне лихорадочно ждали помощи с Запада, а на Западе буржуазия дрожала за свои классовые привилегии и пыталась уступками купить себе у пролетариата амнистию за старые грехи.

Но победа оказалась более трудной, чем можно было думать в 1918 году. Буржуазия на Западе оказалась более жизнеспособной, чем в России. Но все же она была накануне гибели, и спасли ее — стыдно сказать — только профсоюзные вожди европейских рабочих. Профессиональные союзы в Германии, как и в большинстве других стран, оказались самой надежной опорой старого буржуазного строя.

Описывая этот период, историк германского профессионального движения Нестрипке, которого нам уже приходилось цитировать, признает, что 9 ноября 1918 года «отдало в руки рабочего класса политическую власть». Власть эта не была использована. Нестрипке пытается об'яснить этот факт, тем, что это было не столько завоевание власти пролетариатом, сколько «принятие им на себя распоряжения имуществом несостоятельного должника». И в дальнейшем Нестрипке ссылается на катастрофическое состояние Германии, после военного поражения и полного разорения страны в результате войны. Вопреки тому, что показал опыт России, где пролетариат получил не менее тяжелое наследство, но сумел приумножить его и прочно установить на основе союза с крестьянством свою классовую власть. Нестрипке видит в тяжелом положении Германии аргумент в пользу того, что пролетариату пришлось поступиться «частью» преимуществ «завоеванных им в первый момент крушения враждебных сил».

Но даже Нестрипке, которого, как мы видим, ни в каких коммунистических устремлениях «обвинить» нельзя, признает, что в Германии «профессиональные союзы отчасти вынужденно, отчасти добровольно, в большей или меньшей степени (правильнее было сказать «совершенно»), перестали воплощать революционную волю пролетариата. Они почти всецело склонны были превратиться в организации, созданные для защиты интересов рабочего класса в рамках существующего капиталистического строя. Идея коренного преобразования экономического строя, как наивысшая цель рабочего класса, была, если не совсем оставлена, то во всяком случае сильно отодвинута на задний план.

Эта характеристика если чем и страдает, то только излишней мягкостью выражений по адресу германских профсоюзов. Мы сейчас увидим, как на деле сказалась эта консервативная — в социальном смысле — роль германских союзов в момент ликвидации войны. В ноябре 1918 года в Германии русское слово «советы» — сплошь и рядом его даже не переводили — имело магическое значение. Рабочие и солдатские советы возникали стихийно. В первый момент революции они претендовали на роль новых революционных органов власти. Функции их были не определены, и они то выполняли роль профессиональных союзов, то административных органов управления. Но в Германии не было испытанной и закаленной двумя десятилетиями борьбы большевистской когорты, которая могла бы по примеру русских большевиков стать направляющим органом деятельности этих рабочих советов и твердой рукой направить их на путь завоевания диктатуры пролетариата. Наоборот, германские социал-демократы проявили гораздо больше политической опытности, чем наши «рассейские» меньшевики и эсеры, и сумели очень ловко — полегоньку, потихоньку — направить деятельность рабочих советов в русло деятельности наших фабзавкомов, но с более ограниченными функциями. Окончательно это произошло в 1919 г., когда был издан закон о «заводских советах», в 1918 же году германские социал-демократы использовали свои связи с рабочим классом и посредничество профсоюзов в первую голову для «обезвреження» стихийно возникших советов.

Уже на первом всегерманском с'езде советов рабочих и солдатских депутатов, который состоялся 16 декабря 1918 года, правые социал-демо-

краты, оказавшиеся в огромном большинстве, проявили тенденцию сдать всю политическую власть с одной стороны, предпринимателей, с другой — Гуго Стиннес и Карл Легин олицетворяли на этой конференции две борющиеся социальные силы: буржуазию и пролетариат. Но только Стиннес учредительному собранию. Тогда это вызвало оппозицию независимых, но уже 6 февраля 1919 года, то-есть через три месяца после крушения германской империи, с'езд советов сдал власть учредительному собранию, то-есть отказался от своей классовой диктатуры. Созыв этого учредительного собрания в марте 1919 года вызвал ряд серьезных рабочих волнений, а в Баварии сопровождался возникновением советской республики, которая вскоре была подавлена вооруженной силой. Социал-демократы большинства, имевшие тогда в руках всю фактическую власть, попросту сдали ее буржуазии.

А как проявили себя союзные организации? Их деятельность в этот период сводилась к «спасению промышленности» вкупе с предпринимателями. В самый момент революции, когда вся Германия представляла собой бурлящий котел, когда рабочие создавали свои советы, чтобы добиться своего окончательного освобождения, в Берлине открылась конференция из представителей союзов, проявил на этой конференции политический смысл и понимание интересов своего класса. Дело шло для предпринимателей о том, как спасти свои фабрики и заводы от надвигавшейся социализации. И Стиннес спас их, заключив с союзными вождями знаменитое соглашение 15 ноября 1918 года о «деловом сотрудничестве».

Смысл этого соглашения сводится к тому, что предприниматели остаются хозяевами своих пред-

приятий, союзы же признаются законными представителями рабочих, заключают от их имени коллективные договоры и следят за наймом и увольнением рабочих. Во всех предприятиях устанавливается восьмичасовой рабочий день. В случае конфликтов центральный комитет соответствующего союза решает вопросы тарифа и условий труда, при чем его решения имеют обязательную силу для рабочих и предпринимателей, если в течение недели та или иная сторона не заявит своего протеста. В случае протеста, дело переходит в арбитражный комитет (третейский суд) из равного числа представителей от рабочих и предпринимателей.

Соглашение это давало союзам значительные права в качестве стороны. Но оспаривать в этот момент права рабочих организаций предпринимателям даже не приходило в голову (это они отложили на будущее время), надо было спасти свою частную собственность на средства производства, и этого Стиннесу удалось достигнуть.

Последствия этого соглашения для последующего развития Германии были огромны. «Деловое сотрудничество» стало великолепным тормозом революции. В то время, как в России в эпоху керенщины большевики ставили своей основной задачей углубление революции, германские союзы — предоставляем слово Нестрипке — «постоянно звали к спокойствию и благоразумию, и там, где руководство оставалось в их руках, не было речи о чрезмерных требованиях. Напротив, их можно скорее упрекнуть в том, что они в недостаточной степени использовали благоприятное положение. Как бы законно и необходимо ни было отрицательное отношение к тем, которые полагали, что преобразо-

вать хозяйство и создать новый порядок, более отвечающий интересам рабочих, можно путем слепого и яростного нанесения ударов, — все-таки не, лишним было бы, если бы руководящие центры союзов энергичнее добивались для рабочих и их союзов права голоса в управлении предприятиями и энергичнее выступали бы за преобразование хозяйства на новых началах. Это не мешало бы им препятствовать слепой работе разрушения, и возможность к такому противодействию даже была бы при этом гораздо больше» [1]).

Таким образом, деятельность союзов в этот период не удовлетворила даже такого умеренного обозревателя, как Нестрипке, который подчеркивает, что он противник «нанесения яростных ударов» в большевистском духе. А если обратиться к принятому Нюренбергским с'ездом профсоюзов в 1919 году уставу, то оказывается, что «задача союзов заключается в том, чтобы прочно улучшать положение рабочих и работниц в интересах здоровья народа. Союзы борются за уравнение рабочего класса с остальными созидательными членами народного организма. Союзы хотят добиться, чтобы ценность труда и право на труд получили полное признание в государстве. Они хотят также способствовать умственному развитию пролетариата и хотят приобщить пролетариат к высшим благам культуры».

Во всей этой программе нет не только ничего революционного или коммунистического, но нет даже ничего социал-демократического. Любой христианский или либеральный союз мог бы принять

1) Нестрипке. „Профессиональное движение", т. II, стр. 120, русского перевода. Изд. ВЦСПС.

для себя эти положения, не обязывающие его ни к какой борьбе против основ капиталистического строя. Можно удивляться, впрочем, не тому, что в эпоху революции германские союзы приняли такую «либеральную» программу — она только соответствовала их взглядам на необходимость держаться основ буржуазного порядка, — а той откровенности, которую они при этом проявили. Не было даже ни одной платонической фразы о борьбе за социализм, фразы, которой так любили прикрываться французские реформисты в момент своих величайших предательств рабочего класса.

Но германские союзы не только предали социальную революцию, не только отказались от борьбы за ниспровержение капиталистического строя, но не сумели отстоять прав рабочего класса даже в рамках буржуазного строя. Дело в том, что предприниматели, которые в ноябре 1918 года готовы были пожертвовать очень многим, лишь бы спасти основу своего классового господства, скоро оправились от своего первого испуга, учли в свою пользу робость союзных вождей и перешли в наступление. Они даже неохотно шли на создание на местах «комитетов делового сотрудничества», считая, что, после обуздания первого революционного порыва германского пролетариата, им незачем и сговариваться с реформистскими союзными вождями, ибо с непокорными рабочими можно справиться при помощи рейхсвера.

Мы не можем в настоящем очерке изложить всю последующую картину послевоенного рабочего движения в Германии,—это вышло бы за пределы нашей темы, — мы хотим лишь указать, что вся история дальнейшего развития германской контр-революции и отмены восьмичасового рабочего дня предо-

пределена была уже первыми шагами вождей германских союзов в момент революции. И если сейчас германский рабочий представляет собой более бесправное существо, чем даже в эпоху империи, если материальное положение его хуже довоенного, то всем этим он обязан предательскому поведению своих социал-демократических руководителей в годы войны и революции. В годы войны он расплачивался за империалистические аппетиты буржуазии своей кровью, сейчас он расплачивается за нее голодной заработной платой и 9—10-часовым рабочим днем и самой жестокой диктатурой своего классового врага.

В стане победителей мировой войны картина была аналогичная. Демобилизованные рабочие и крестьяне Франции, вернувшись к своим очагам, скоро убедились, что «последняя великая война», «война за право и демократию», как ее величали буржуазные и социалистические газетные писаки, не дала им никакого улучшения их положения. Господствующие классы ковали оружие для следующей «последней» войны, демократия превратилась в собственную противоположность в руках захватившего во Франции власть Национального Блока, а знаменитая формула Национального Блока — «Германия заплатит» — оказалась балаганной вывеской, ибо разоренная Германия не могла заплатить и половину тех убытков, которые потерпела Франция за время войны.

Брожение в рабочем классе Франции было огромное. В весенних забастовках 1919 года участвовало более миллиона человек. Перепуганная буржуазия провела в законодательном порядке восьмичасовой рабочий день, который и без того был вырван рабочими с бою. Но тем завоевания

рабочего класса и кончились. Жуо, Бидегарэ, Дюмулэн и другие вожди рабочего класса занялись душеспасательным делом «восстановления Франции», забывая о классовых интересах пролетариата. Буржуазия получила свою «передышку» и с 1920 года, воспользовавшись экономическим кризисом, перешла в решительное наступление и добилась почти полного разгрома рабочих организаций. Если к маю 1920 года Всеобщая Конфедерация Труда достигла рекордной цифры числа членов — 2.300.000 человек, то уже к осени того же года осталось только 600.000 человек. Жизнь показала, что в моменты великих потрясений нет среднего пути, что великие классовые битвы заканчиваются диктатурой одного из борющихся классов. Профессиональные союзы — эта великая армия труда — оказалась почти во всей Европе лишенной боевого авангарда, я их вожди вместе с социалистической партией хотели и пролетарский капитал приобрести и буржуазную невинность соблюсти. В результате увеличила свой капитал только буржуазия.

1918—1919 и первая половина 1920 года были моментом небывалого роста профессиональных союзов вширь. В Германии и во Франции, в Австрии и Италии, Англии и Америке, число членов профсоюзов намного превзошло самые крупные довоенные цифры. Буржуазия видела в них наследников своей власти. Но профсоюзные бюрократы отказались от наследства, убоявшись его задолженности. Они пытались сочетать интересы национальной промышленности с интересами рабочего класса; в результате этого противоестественного сочетания пострадали и интересы «национальные» в широком смысле слова, и клас-

совые интересы пролетариата, а выиграли только капиталисты, которые в еще большей степени, чем до войны, превратили государство в аппарат выжимания в свою пользу прибавочной стоимости.

Очень интересно было бы проследить послевоенное рабочее движение в Англии и Италии, но так как решающие события там относятся уже к 1920—1921 году, то мы не можем уделить этому достаточного места в нашем очерке рабочего движения в годы войны и революции. Скажем лишь, что в Англии конец войны сопровождался небывалым под'емом забастовочного движения, которое дало рабочим ряд побед в 1919—1920 годах, что рабочие подошли вплотную к проблеме социализации горной промышленности и транспорта, что они создали свое «Тройственное согласие» (металлистов, горняков и транспортников) для борьбы за эти требования, но трэд-юнионистские вожди оказались совершенно неподготовленными к своей боевой роли. Великая забастовка углекопов в мае 1926 года кончилась знаменитой «черной пятницей», когда транспортники отказались поддержать углекопов. Уголь беспрепятственно подвозился из Америки, и забастовка углекопов была проиграна. Вместе с нею погибло и многообещавшее тройственное согласие. Начался период великой безработицы и отступления рабочего класса Англии перед натиском капитала. Только сейчас английский пролетариат начинает оправляться от своего поражения.

Что касается Италии, то там социалистическая партия и конфедерация труда достигли после войны необычного расцвета. Антимилитаристическая позиция партии и союзов во время войны необычайно повысили их престиж среди трудящихся,

ибо война не дала Италии положительных результатов даже с патриотической точки зрения. Конфедерация насчитывала в 1920 году свыше 2.000.000 членов, итальянская партия завоевала свыше 100 мест в парламенте и держала в своих руках несколько сот муниципальных советов. Партия входила в Коммунистический Интернационал, хотя на этой почве и происходили в партии трения, закончившиеся расколом ее на социалистическую и коммунистическую. Но в 1920 году раскола еще не было, и влияние партии в некоторых областях было настолько сильно, что реформисты говорили: на что нам диктатура пролетариата, когда мы и так господа положения у себя на местах. Профсоюзы не только занимали доминирующее положение в промышленности, но и создали почти миллионный «Союз Работников Земли», стоявший во главе крупного аграрного движения и фактически терроризовавший помещик. Начался захват земли крестьянскими низами. В сентябре 1920 г., во время всеобщей забастовки металлистов, начался захват заводов рабочими. Италия была накануне революции. Но союзные вожди не решились на этот шаг, и заявили, что если партия возьмет на себя в этом отношении инициативу, они подают в отставку. Это было предательство, за которое итальянский пролетариат заплатил годами фашистского террора. Буржуазия почувствовала нерешительность союзных вождей и вырвала у них инициативу боя. Победили фашисты. Дальнейший разгром итальянского профдвижения общеизвестен.

Итог, как мы видим, повсюду одинаковый. Социалистические вожди профессионального движения во всех странах выбрали не путь революции, а путь реформ, путь сотрудничества с буржуазией.

В результате они лишились даже реформ, вырванных пролетариатом в первые месяцы после войны. Вместо сотрудничества, реформисты получили самую дикую реакцию, стремящуюся уничтожить самое право профсоюзов на существование. Эта картина начинает в последнее время меняться. На сцену снова выплывает мировая керенщина, но на этот раз мировой пролетариат сделает из нее такие же выводы, как русские рабочие в октябре 1917 года.

Нам остается лишь рассмотреть, какие формы приняла в результате войны идея рабочего интернационала. Учитывая реакцию народных масс против военного угара, царившего в начале войны, вожди военного социализма поспешили весной 1919 года, немедленного по подписании мира, приступить к восстановлению Интернационала, главной задачей которого явилось бы взаимное обеление прежних сторонников войны и продолжение установившегося с 1914 года соглашательского курса рабочего движения. Первый после войны международный с'езд профессиональных союзов состоялся в июле месяце 1919 года в Амстердаме. Присутствовали представители союзов почти всех стран, кроме России и Италии (отсутствие итальянских профессионалистов носило, впрочем, случайный характер). С'езд этот явился продолжением Версальского мира. Он должен был не только восстановить Интернационал—или, вернее, его суррогать,—но и «посрамить» Германию. У немцев было отнято руководство международным профессиональным движением. Председателем международного бюро профсоюзов был выбран англичанин Эппльтон (немцы выдвигали кандидатуру голландца Удегеста), товарищем председателя—пред-

ставитель французских союзов Жуо. Немцам был предложен пост второго товарища председателя, но они отказались, и это место было предоставлено бельгийцу Мертенсу. Должности секретарей были оставлены за голландцами Удегестом и Фимменом.

Таким образом первый же конгресс этого «Интернационала» — за ним прочно установилось название Амстердамского—ознаменовался национальными счетами. Победители в мировой войне победили здесь: все руководящие посты были предоставлены Антанте, секретарские — нейтральным странам. Словом, получился сколок с Лиги Наций, которая также является международным прикрытием для обслуживания интересов группы стран, победивших в мировой империалистической войне.

Амстердамский Интернационал стал официальным представителем пролетариата при правительственных органах. Между Лигой Наций и Амстердамским Интернационалом создалась тесная связь, олицетворением которой явились бельгийские и шведские социал-демократы, входившие в Совет Лиги Наций от своих правительств. Плодом этого первого периода после войны, когда буржуазия еще считала нужным давать пролетарским массам хотя бы видимость удовлетворения, явилось создание при Лиге Наций — на основе Версальского мирного договора — Международного Бюро Труда при Лиге Наций, директором которого был назначен французский социалист Альбер Тома, бывший товарищ военного министра, ведавший главным управлением военных снаряжений. По идее это бюро должно было быть чем-то вроде международного парламента для разработки международных конвенций по вопросам рабочего законо-

дательства. Участниками этого «парламента» являются представители правительств стран, входящих в Лигу Наций, предпринимательских организаций тех же стран и профессиональных союзов. Само собой разумеется, что такой состав Международного Бюро Труда ни в малой степени не угрожал предпринимателям «чрезмерным» развитием социального законодательства, ибо представители правительств вместе с представителями предпринимателей составляли большинство.

В 1919 году состоялась Вашингтонская Конференция Международного Бюро Труда, при чем, как и следовало ожидать от этого детища Лиги Наций, произошла заминка с приглашением германских делегатов, которые так и не попали на нее из-за поздней отправки приглашения. Мы отклонились бы слишком далеко от нашей темы, если бы подробно остановились на деятельности этого ублюдка, родившегося от союза противоположных классовых группировок. Скажем лишь несколько слов. Международное Бюро Труда было и остается до сих пор мостом между буржуазными правительствами всех стран и Амстердамским Интернационалом.

Еще в 1925 году достопочтенный Жуо требовал передачи вопроса о германских репарациях Лиге Наций, ибо она является оплотом против империализма Пуанкаре. Само собой разумеется, что проявленная Жуо в данном случае наивность является деланной. Еще с большей энергией отстаивали амстердамцы участие профсоюзов в Международном Бюро Труда при Лиге Наций, хотя это отталкивало от них левые группы рабочих. Эту привязанность Амстердамского Интернационала к Международному Бюро Труда не могла

поколебать даже выяснившаяся уже с полной несомненностью никчемность последнего даже в проведении той скромной программы, которую приняла его первая Вашингтонская конференция. До сих пор выработанные на этой конференции международные конвенции не ратифицированы почти ни одним из государств, имеющих своих представителей при Лиге Наций.

В 1920 году—правильнее, в начале 1920 года — Амстердамский Интернационал был в зените своего развития. 25 миллионов организованных подего знаменем рабочих придавали ему ореол величия. Но это был колосс на глиняных ногах. 1920 год был моментом перелома. Разразившийся в этом году кризис и переход буржуазии, уже оправившейся от своего первого испуга, в наступление, показал внутреннюю слабость этого международного об'единения. Входившие в него национальные центры были разбиты по частям, при чем Интернационал не мог никому оказать никакой поддержки. Еще сильнее отразилось падение его морального авторитета по сравнению с молодым только в апреле 1919 года образовавшимся Коммунистическим Интернационалом.

Летом 1920 года, во время II Конгресса Коммунистического Интернационала, зародилась мысль о создании Красного Интернационала Профсоюзов. При участии русских, итальянских, испанских, частью французских и английских профессионалистов был создан Временный Международный Совет Красных Союзов, которому удалось через год, в июле 1921 года, созвать первый конгресс Красного Интернационала Профсоюзов.

С тех пор прошло три года. Красный Профинтерн, который был вначале скорее международным

комитетом пропаганды революционных идей в профдвижении, превратился в могучего соперника Амстердаму. Он имеет за собой, кроме пяти миллионов организованных русских пролетариев, Унитарную Конфедерацию Труда Франции, Единый Большой Союз Чехо-Словакии и крупные меньшинства — фактически сплошь и рядом большинства — во всех профессиональных организациях других стран. Судьба Профинтерна до некоторой степени напоминает судьбу Советской России. Сперва его не «признавали»: амстердамцы с высоты своего 25-миллионного величия третировали его, как ничтожную величину и отказывались вступать с ними в какие-либо переговоры. Но по мере падения своего влияния и параллельного роста Профинтерна, по мере того, как все теснее и теснее становились связи Советской России и русских союзов с Западом, от «непризнания» перешли к самой ожесточенной борьбе. Но и эта фаза начинает проходить. В среде самого Амстердама растет сознание того, что говорить об Интернационале, в котором не представлены были бы пролетарии единственной в мире рабочей республики, не приходится.

На очереди дня восстановление подлинного рабочего интернационала, который, действительно, охватит рабочие организации всех стран и превратит их в могучий оплот братства народов. Это — задача одновременно и политическая, и экономическая. Политическая — потому, что без создания такого Интернационала, идущего под красным знаменем коммунизма, немыслима борьба против угрозы новой войны и против фашистской реакции. Экономическая — потому, что классовые конфликты все более и более имеют тенденцию

выходить за рамки государственных границ, и потому, что капитал, несмотря на конкуренцию соперничающих империалистических группировок, — интернационален там, где борьба идет между классом буржуазии и классом пролетариата в целом.

Четыре года тому назад, Ленин, обращаясь к французским рабочим, писал: «Последним прибежищем социал-демократов являются ныне именно профессиональные союзы. II Интернационал, как политическая организация, развалился, как карточный домик, а новый Амстердамский Интернационал желтых профессиональных союзов является еще значительной базой для социал-предателей.

«Амстердамский желтый Интернационал больше, чем Лига Наций, вреден и опасен сейчас для мировой революции. Через Легиных, Гомперсов и Жуо буржуазия пытается сделать из Амстердамского Интернационала профессиональных союзов такое же орудие своих грабительских целей, каким являлись социал-демократические партии всего мира в течение империалистической войны. Это налагает на нас, коммунистов, обязанность удесятерить свое внимание по отношению к профессиональному движению. Мы должны во что бы то ни стало вырвать эти профессиональные союзы из рук капиталистов и социал-предателей».

Этот завет Ленина выполнен в значительной степени, но не до конца. Цитадель Амстердама подверглась правильной осаде, многие форты взяты, в китайской стене, которой он пытался оградить рабочие массы Запада от проникновения революционных идей, пробиты крупные бреши, но защитники этой крепости, опираясь на помощь мировой буржуазии, продолжают удерживать за собой центральный плацдарм. Профессиональная бюро-

кратия Запада, прошедшая долголетнюю школу обуздания народных масс — на языке правоведов это называется демократическим управлением — пускает в ход все методы демагогии и прямого насилия, чтобы удержать пролетарскую армию в повиновении буржуазии. Они воспевают Макдональда и Эррио, — английского и французского претендентов в Керенские, — но они готовы сотрудничать и с Муссолини, лишь бы спасти свое «стадо» от коммунистической заразы.

Но все эти попытки окажутся тщетны. Фашистский кулак также мало может уничтожить классовое сознание пролетариата, как и демагогия демократов. Путь ожесточенной классовой борьбы подсказывается пролетариату не агитацией и пропагандой коммунистов, а всем его пролетарским бытием. А классовая борьба может окончиться только победой — окончательной победой — одной из двух борющихся сторон. Победит класс, несущий с собой великие возможности экономического и умственного обновления народов. Диктатура пролетариата увенчает его долгую, полную великих и тяжелых жертв, борьбу. И только тогда окончательно отпадут все национальные предрассудки — и откроется эра братства народов, которую возвестили нам великие учителя коммунизма — Маркс и Энгельс.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

ОТ АВТОРА 3

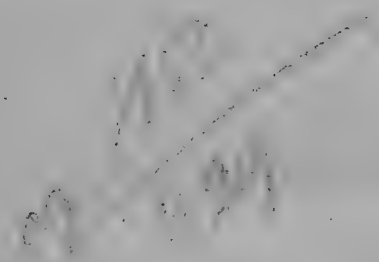
ГЛАВА I. Профсоюзы накануне войны. 5

ГЛАВА II. Об'явление войны. Крах Интернационала. Развал профдвижения 21

ГЛАВА III. Первые признаки отрезвления. Анти-военная оппозиция в союзах 40

ГЛАВА IV. От русской революции до окончания мировой войны 62

ГЛАВА V. Конец и наследие войны. Перспективы . . . 92



ИЗДАТЕЛЬСТВО М. Г. С. П. С.
„ТРУД и КНИГА"
МОСКВА, Охотный ряд, дом № 9.

Шик Лев. — Самообразовательные экскурсии, 2 доп. изд. (печат.)
Яковенко, В. — Экскурсия в мир животных, ц. 45 коп.

По антирелигиозной пропаганде

Против бога, попов и чертей.
Рейснер, М. А. Проф. — Нужна ли вера в бога, Нов. доп. изд., ц. 80 коп.
Религия, ее прошлое, настоящее и будущее. (Антирелигиозная хрестоматия), сост. Г. Дояна, под ред. и с пред. проф. М. А. Рейснера (печат.)
Антирелигиозный песенник, ц. 50 коп.

Охрана труда, трудовое право и социальное страхование

Богословский и Соснин — Введение в профессиональную гигиену. ц. 75 к.
Бухов, М. — Что нужно знать фаб.-зав. ученику о своих правах, 3 изд. ц. 30 к.
Бухов, М. — Как охраняется труд работницы по советским законам, 3 изд., ц. 10 к.
Бухов, М. — О сохранении среднего заработка и выходном пособии, 2 изд., ц. 10 к.
Василевский, Л. — Питание и труд. ц. 25 к.
Василевский, Л. — Несчастные случаи в промышленности, ц. 45 к.
Данилевич, В. — Рабочее время и отдых. 2 доп. изд. (печат).
Зоммерфельд, проф. Охрана здоровья рабочих. Перев. с нем. под ред. врачей Богословского и Соснина, 2 изд., ц. 55 коп.
Ламтатидзе, Г. — Записки инспектора труда, ц. 85 коп.
Мытник, П. — Охраняйте труд (как должны работать комиссии по охране труда), 2 изд.
Мытник, П. — Лечебная и санитарная помощь в СССР (печат.)
Пахомычев, А. — Охрана здоровья в производстве. ц. 17 к.
Штейнберг, А. — Социальное страхование, ц. 15 к.
Штейнберг, А. — Октябрь и соц. страхование, ц. 20 коп.
Штейнберг, А. — Женщина и соц. страхование, ц. 20 коп.
Штейнберг, А. — Что должен знать рабочий о социальном страховании, 4 доп. прил. изд. (печат.)

Цена 40 коп.

6987

Склад изданий в книжном магазине Издательства
„ТРУД и КНИГА“
Москва, Б. Дмитровка, № 1.